

Андрей
Елисов

На Святой Земле

Нижний Новгород
2012

УДК 82 – 1
ББК 84(2)
Е 51

ГЛАВА I

На Святой Руси

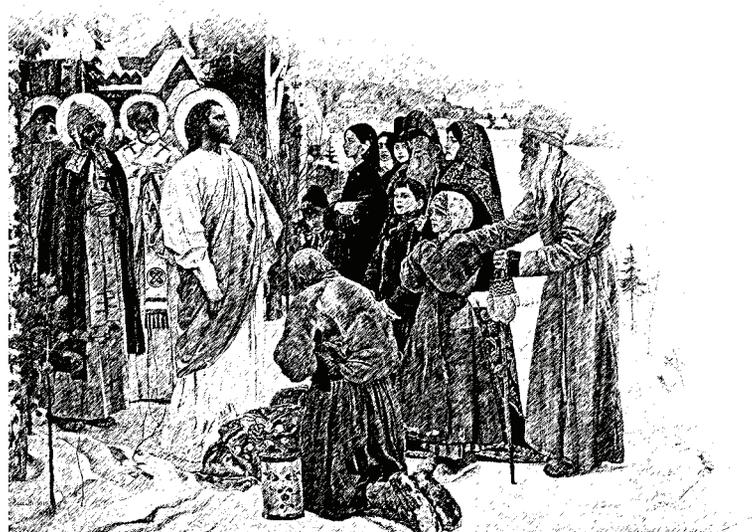
Елисов А.В.

Е 51 На Святой Земле. – Нижний Новгород: Издание автора, 2012. – 124 с.

Поэтический сборник «На Святой Земле» включает в себя стихи, написанные в 2011 – 2012 гг., а также лучшие стихи из предыдущих сборников, в основном религиозно-философской тематики. Большинство стихов связано с паломническими поездками и пребыванием автора на Святой Земле в Иерусалиме и на Соловках. В сборник также включены дневниковые записи иерусалимской поездки в апреле 2011 года. Книга адресована всем, кто интересуется духовно-нравственной поэзией. Автор просит свои отзывы направлять по электронной почте на адрес elisov67@mail.ru или на личный сайт автора <http://pritcha-elisova.ucoz.ru/> в гостевую книгу. Автор благодарит за помощь в издании книги Александра Бубнова.

УДК 82 – 1
ББК 84(2)

© Елисов А.В., 2012

Притча о звонаре

Кто раньше всех людей встает,
Душой встречая озаренье?
На этот счет сложил народ
Такую притчу в наставленьи.

Царь мне неведомых земель
Задумал знать: кто к Богу ближе?
Он или кто-то из людей,
В его ль стране или в Париже?

Собрал гонцов и дал им год
Всё обойти в Господнем мире.
Гонцы отправились вперед
Искать ответ на все четыре.

Прошел положенный им срок.
Время их странствий завершилось,
Узнав, кому так близок Бог,
Они с ответами явились.

Вот три гонца перед царем.
Они загадку разгадали,
И лишь четвертый звонарем
Решил вернуться в эти дали.

Промолвил первый из гонцов:
– Я, государь, прошел полсвета.
Там встретил сотни мудрецов.
Мудрей тебя и ближе – нету.

Другой гонец царю сказал:
– Я обошел места святые.
Всех к Богу ближе патриарх.
На нем все лавры золотые.

Взял третий слово наконец:
– Тот в мире самый совершенный,
К кому приблизится Творец,
И ближе всех к нему – священник.

Ну а четвертый дал ответ:
И патриарха, и монахов
Призвать на праведный совет
Решить задачку для монарха.

Царь пригласил их во дворец
Держать ответ, как говорится.
Кому всех ближе наш Творец?
Они решили помолиться.

И тут им колокол в ответ,
Свою молитву предлагая,
Пропел о Божьей красоте.
Звонарь звонил, не уставая.

Так разгадал загадку царь.
Над ней он мучился годами,
Что ближе к Богу всех звонарь.
А вы, друзья, судите сами.

С чего начинается вечности

Мальчишка курносый беспечный
Мне задал вопрос о своем:
– С чего начинается вечность,
Где точка отсчета ее?

Как к ней подойти, прикоснуться,
В веках отыскать ее след?
Он радостно мне улыбнулся,
Когда ожидал мой ответ.

Хотелось ответить по-детски,
Чтоб понял он мысли мои:
– Она начинается с сердца
И с первых мгновений любви.

Вот с этой улыбки в веснушках,
Что ты в этот миг подарил.
Для вечности много не нужно –
Кусочек ребячьей зари.

И он, невесомый, беспечный,
Помчался с улыбкой своей
Послать лучезарную вечность
Туда, где нуждаются в ней.

Когда ж ты вернешься обратно,
Я буду в иной стороне,
Но эта улыбка наградой
Останется в памяти мне.

Пусть дни на земле скоротечны.
Каким будет будущий миг?
С чего начинается вечность?
Рискую ответить: «С любви!»

Слова в словах

Ищу в словах я атом золотой
На перекрестке музыки и музы.
Есть в слове «Кама» камешек речной,
А в слове «Волга» волны воли русской.

Ока, как око, на меня глядит.
Сто лиц в «столице», и в Москве нет места,
А речка Свирь свирелью наградит.
Ну а Нева похожа на невесту.

На тихом Доне – в доме и в тиши.
Растет росток любви в ростовском крае.
Иду в Азов на зов своей души,
А радость – это как столица рая.

Прибуду в Новгород искать свой древний род,
Где мой народ оставил вечный почерк,
И к Богородице приду я в Богородск,
И окунусь, как в истину, в источник.

В ладонях Ладоги хочу я помолчать
И с Валаамом слиться и согреться.
Паломником войду на Серничан,
Чтобы очистить собственное сердце.

Соль Соловков попробую на вкус.
Всю боль души оставлю в Белом море.
К кресту-березе приложу слезу,
Отправлюсь Русь искать на Белогорье.

Приму свой крест и мимо не пройду
Своей судьбы на разных перепутьях,
Молитву на Мологе обрету,
Чтоб отделилась суета от суги.

Слова и слава славящим без слов
Свою деревню древнюю, как имя.
Как любо обнимать свою любовь
И видеть свет, оставленный святыми.

И вот иду я по родной земле,
Апостолом я послан в свои веси.
Я только гость и здесь оставляю след.
Моя эпоха – не века, а вечность.

Реки

Живет движением источник.
Себя он хочет раздарить.
Не могут реки в одиночку
В глуши отшельниками быть.

И вот текут они поныне
По всей земле во все края,
По горным склонам и равнинам
И превращаются в моря.

А на пути по курсам встречным
Они сливаются в одно,
Когда обнимутся две речки,
Как две сестры, в один поток.

А сколько мощи в этом братстве,
В соединенье двух дорог.
Сильна вода, крепки объятья –
Природы мудрый нам урок.

Вот так Творец всего земного
Раскрыл пред нами силу рек.
Из родника любви святого
Течет вода который век.

И разливается по свету,
В объятья Родины спешит.
Любовь не знает километров.
Там, где вода, там будет жизнь.

О, человек, ты тоже речка.
Ты тоже ходишь по земле.
Ищи слиянья с человеком,
Как Волга с Камой сотни лет.

Иконы неба

Смотрю в небеса, ощущаю потребность
Искать в облаках свет высоких икон.
Уносит река мое сердце на небо,
В бескрайность мечты без земных берегов.

Не может быть вечность описана плотью,
И к краскам иным прикасается кисть.
Готовый войти в галерею полотен,
Глаза устремляю в наднебную высь.

Я вижу в ней форточку к космосу, свету,
Открою окно, чтоб ее распахнуть,
И вдруг загляну в нее сердцем поэта,
И новую свежесть вдохну себе в грудь.

Тропой в бесконечность, к небесной державе,
Как солнечный зайчик по вешней воде,
Где звезды исполняют небесный акафист
Творцу и нетленной его красоте.

И вот купола от невидимых храмов
И звон колокольный из вечных глубин.
Об этой стране говорила мне мама,
Когда подарила мне первую жизнь.

Внимаю тем краскам в наднебном просторе
И медленно взгляд опускаю к реке.
Степные долины, донские узоры
И образы неба в душевном окне.

На Каме

Богат не тот, кто славится богатством.
Бедняк не тот, кто не купил дворец,
Ведь у него есть камские закаты,
Что подарил ему его Творец.

Безбожник тот, кому не до спасенья.
Он просто не был у Творца в раю.
Кто верит в Бога, чтит его творенья.
Взгляни с утра на камскую зарю.

Умен не тот, кто знает все ученья,
И глуп не тот, кто с мудростью в ладу.
Кто видел ночью камские созвездья,
Обрел на небе больше, чем звезду.

Красив не тот, кто красками наполнен,
Уродлив тот, кто замутил свой взор.
Кто камский камешек держал в своих ладонях,
Положит камень истины в собор.

Несчастен тот, кто радостью обижен.
Блажен, кто видит вечность сквозь года.
Кто помнит сердцем камские картины,
Не оскудеет духом никогда.

Правдив не тот, кто правду знал с пеленок,
И милосерден тот, кто прост, как есть.
Кто не купался в Каме, как ребенок,
Тот никогда не сможет повзрослеть.

Монах не тот, кто убегает в горы,
Пытаясь Бога в облаках искать.
Кто не увидел камских белогорий,
Тому картин небесных не понять.

Родник не там, где кормят вкусным пловом.
Родня не там, где кровное родство.
Ты вспомни Каму с воздухом еловым
И приезжай сюда на Рождество.

Духовный путь напомнил мне дорогу
На карте вечности, хранимую в веках.
Святые люди – это шлюзы к Богу
Перенесут на собственных руках.

О, граждане небесного союза,
Стяжавшие душой нетварный свет,
А если нет спасительного шлюза,
То и дороги в небо тоже нет.

Рождество Христово

Нить хрустальная деревьев,
Как рождественские бусы,
Освятили всю деревню,
Все лесное Святорусье.
Хватит зимнего всем шелка,
Снег украсит и согреет.
На рождественскую елку
Нынче вышли все деревья.
Ночь молитвою покрылась
И слилась с церковным пеньем.
Вот и небо пробудилось
Зреть Морозкины созвездья.
Лес любовью нарядился,
Красота во всех мгновеньях.
В эту ночь Христос родился,
Чтоб родилось с ним спасенье.
Потому такая радость
На душе Богомладенца.
Принесем ему свой ладан –
Наше собственное сердце.
Будет золото и смирна,
В Божьих яслях все в почете.
Кисея хрустальных нитей,
Как рождественские четки.

Белым-бело

Белым-бело, как в сказке, дивный лес,
А снег летит с улыбкою несмелой.
Подарен миру белый пух небес.
Пускай земля хоть в зиму будет белой.

Четки

Перебираю четки, словно струны,
Пою слова молитвы в тишине,
И Бог пришел, Он взял меня за руку.
Теперь Он рядом, в сердце, Он во мне.
Мир – океан, но я в просторной лодке,
Плыву я к небу, к звездочкам свечей.
Вложи в ладонь небесные мне четки,
Чтоб Божью руку чувствовать в своей.

По России

От известных страниц в неизвестность
От усталых страстей отдохну,
Убегу от компьютерной бездны,
В небо русского леса войду.
Он протянет мне душу как руку,
Исцелит все недуги мои,
Словом «любо», казацким по духу,
Я признаюсь России в любви.

Буду в соснах, как в дебрях, скитаться,
В листопаде берез утопать,
Деревенской рекой любоваться,
Запах клюквы душой собирать.
Пусть октябрь и ко мне прикоснется,
Вместе с ним мы продолжим житье.
В каждой птахе, что мне попадетсЯ,
Я найду утешенье свое.
Буду плакать, как утренний дождик,
Без грозы, умиряя свой нрав,
И пойду по Руси придорожной,
Ничего, кроме сердца, не взяв.

Средовек

Где середина у людского века?
У каждого экватор жизни свой.
Когда-то люди называли средовеком
Того, кто вырос собственной душой.
Кто полдистанции прошел на карте жизни,
А оглянувшись, понял, что в пути
Уж не один идет он по Отчизне
К небесным далям с радостью в груди.
Где середина эта золотая,
А может быть, ее я миновал,
Жил этим днем, средин не измеряя,
А на пути был просто перевал.
Что там за ним, какой мне факел светит,
Увижу скоро, отдохнув слегка.
Какой святой меня у цели встретит,
Была бы речка, будут берега.

Какое сердце ты стяжал навеки,
Переступив экватор, средовек,
А я мечтаю, чтобы сердцевеком
Именовался каждый человек.

Храмы и музеи

Пока заря встает во всей красе,
Пока народ еще не стал толпою,
Не превращайте Божий храм в музей,
Не закрывайте красоту собою.
Дорога в храм не зарастет быльем,
Бездушье только не пускайте в души.
Грязь – это вещь на месте не своем.
Не смешивайте облака и лужи.
Звонит звонарь, молитвы пробил час.
Восстал кумир и молится злодеям,
Но, как и раньше, Бог глядит на нас.
На наши души, а не на музеи.

Учюбегу

В Тебе, Господь, живет мое спасенье,
В Твоем кресте и боль, и высота,
Но на тебя мне не хватает времени.
Важней Тебя мне стала суета.
Немало лет я жил, но мало прожито.
Петлял без компаса, как будто наугад,
Я как участок, в сорняках заброшенный,
А Ты растил во мне духовный сад.

И стала жизнь подобна грязной скатерти,
Когда венчалась с собственным грехом.
Душа стоит, как нищенка, на паперти,
Не за Христом пришла, а за рублем.
Душа моя, ты блудная скиталица,
Опять не Богу ты несешь поклон,
А жизнь проходит, листья осыпаются,
Впусти Христа туда, где правит Он.

Ручеенок

В мальчишке вечный жил ребенок.
Родней его улыбки нет.
– Как звать? Ответил: «Ручеенок»,
И побежал дарить свой свет.
Гореть лампадой темной ночью,
Зажечь звезду во тьме дорог.
Он предложил войти в источник
Своей души, как в ручеек.
Во мне опять проснулся мальчик,
Бегущий к новым берегам.
Я превратился в одуванчик
От дуновенья ветерка.
И, тихим солнышком согретый,
Светился я на всем лугу,
Потом пушком летел по свету
Душой к родному ручейку.
Я был как солнечный зайчонок,
Всем улыбался тишиной,
А в это время Ручеенок
Игрался с небом, как с волной.

ГЛАВА II

На Святой ЗЕМЛЕ

Иерусалим – небесное созвездие

Иерусалим – небесное созвездие.
Здесь, на земле, под куполом любви
Стою под колоколом храма Вознесенья
И принимаю сердцем звон молитв.
Когда-то был обычай помолиться,
С колоколами вместе воздыхать,
Чтоб духом с небом через вечность слиться,
Заставить сердце колоколом стать.
И вот я здесь, в Земле обетованной,
И колоколит небо надо мной.
А рядом Русь с Андреем Первозванным
Звонит в душе, как колокол святой.
О, как понятна мне молитва эта,
Нет расстояний, прошлого, эпох.
Иерусалим, ты колокол Завета.
Опять звонит в сердца превечный Бог.
Войди в меня, мой благовест спасенья.
Твой зов молитвы я ношу с собой,
Стою под колоколом храма Вознесенья.
Пусть он звонит над всей моей судьбой.

Гора блаженств

Сад заповедный, рай моей мечты,
Поляна света и оазис жизни.
Здесь, на горе блаженств, растут цветы
Корнями в небо к неземной Отчизне.
Слова и камни радостно сжились,
И говорят Евангелием горы,
И я стою под куполом любви,
Где ты зовешь меня в свой вечный город.
Дойду ли я, неведомо еще,
Но путь, один-единственный и верный,
С ключом любви – крестом, а не мечом.
Моя опора – крест твой заповедный.

Вифлеемская улыбка

Печаль рассеять, разделить обиды
Поможет радость с яслями в тепле.
Улыбку Богородицы я видел
На вифлеемском небе и земле.
Она несет надежду на спасенье
Всем, кто желает обрести его.
Теперь стоит здесь храм Богорожденья –
Вертеп любви, где появился Бог.
И пастухи сюда приходят с миром,
И звездочеты из-за дальних гор.
И этот запах ладана и смирны
Хранится в этих стенах до сих пор.
И улыбнется храм, такой огромный,
Улыбкой Богородицы простой.

Здесь нету золота на куполах церковных,
Но блеск святынь здесь точно золотой.
Я, как ребенок, к яслям прикасаюсь –
К звезде, что место Рождества хранит.
И вот теперь иду и улыбаюсь
С улыбкой Богородицы внутри.

Град Назарет

Град Назарет, как благовест зари
О том, что в грешный мир придет Мессия.
Здесь возвестил архангел Гавриил,
Что станет Богородицей Мария.
В ней воплотится древняя мечта
Пророчеств мира и седых пророков –
Явленье в мир Спасителя Христа,
Увидят люди в ней сиянье Бога.
В нее уже вселился Дух Святой,
Под сердцем Сын, она его растила,
Придя к колодцу за живой водой,
Она в себе уже Христа носила.
Ну а пока небесный почтальон
Ей сообщил о чуде благовестья.
Колодец полон благодатных вод,
И будет храм стоять на этом месте.
Приду и я сюда в живой тиши,
С духовной жаждой прикоснусь к святыне
И принесу душевный свой кувшин,
Чтобы наполнить водами живыми.
Град Назарет, дом радости святой,
В казну небес ты, как алмаз, положен.
Колодец с благовещенской водой,
Пока есть вера, оскудеть не может.

Иордан

Течение вод земных так быстротечно.
Года текут, как вешняя вода.
Река Христа, впадающая в вечность,
Прими меня в небесный Иордан.
На берег неба, много Богом званный,
На остров рая, как паломный гость,
И вот я здесь, крещенный Иорданом,
Омою сердце водами его.
Как благодатна была к тебе дорога
Через всю жизнь, стихии и стихи.
Река спасенья, что вместила Бога,
Вмести меня и смой мои грехи.
Я не могу теперь уж жить, как прежде,
Прошу одно: «Господь, преобрази!»
И вот вхожу с молитвою крещенской
В источник духа, святости и сил.
Кем выйду я из этих вод небесных,
Что донесу я сердцем неспроста?
Омой мне душу, Господи, чудесно,
Чтоб в каждом встречном видеть лик Христа.
И пусть твой голубь надо мной летает.
Питай мой дух, священная вода.
Христос со мной, и он меня прощает.
Войди в меня, как входят в Иордан.

У Галилейского моря

Тишина на библейских просторах.
Вот и пристань Иисуса Христа.
Подойду к Галилейскому морю,
Как апостолы к рыбным местам.

Вот по этой воде невесомой
Сам Господь, как по суху, ходил,
Пробуждая уснувшую совесть,
Хлебом мудрости души кормил.

Здесь он рыбу в апостольский невод
Посылал по молитвам своим,
И хватало и рыбы, и хлеба
Тем, кто шел по пути рядом с ним.

Здесь взывал Он к небесной Отчизне,
Обращая к нам притчи свои.
Не судом встретил блудного сына,
А слезами отцовской любви.

Свет несметных богатств вечных истин
Он дарил Божьей славой своей.
Здесь он сыпал евангельский бисер
В прокаженные души людей.

В этих волнах времен быстротечных
Среди горных пород и камней
Он молился, а бесов, как нечисть,
Отправляя стадами в свиней.

Пусть житейское море не вечно.
Ныне здесь ты, а завтра – таков.
Бог за каждой заблудшей овечкой
На Голгофу подняться готов.

Горизонты небесных просторов
Открывают богатства свои,
Колыбель Галилейского моря,
Где когда-то Христос проходил.

Фавор

Есть на земле гора – подобье рая.
Фавор – утес небесной глубины.
Душа поет, а сердце замирает
От созерцанья света, тишины.

Стою на камне веры и спасенья,
А воздух дышит горной чистотой.
Прошу одно – пошли Преображенья
Моей души фаворской красотой.

А солнце ходит рядом с облаками,
И первый дождик хочется принять.
Слова молитвы льются ручейками
Ко всем святым, что смотрят на меня.

И льются слезы не от ран душевных,
Не от греховных тягостных тревог,
А просто Бог коснулся, как волшебник,
И подарил неувядаемый цветок

Здесь, у иконы в благодатном свитке,
На этом камне, где ученикам
Преобразился сам Господь при жизни,
Чтоб вознести нас к новым небесам.

Стою на небе рядом с облаками,
Со мной преобразенская весна.
Ты, как паломник, ходишь рядом с нами.
Здесь, на Фаворе, я тебя узнал.

Гефсимания

Сад Гефсиманский – горная долина.
Стопы Спасителя успели здесь пройти,
И вырос храм Марии Магдалины
На перепутье крестного пути.

Здесь, у подножья к Елеонским скалам,
Там, где ручей Кедронский проходил,
Стоял Христос, и кровь его стекала
Потоком в камни, разбивая их.

Так горячо молился наш Спаситель
За род людской, что гибнет без любви.
Тому свидетели – цветущие оливки,
Что плодоносят нынче, в наши дни.

Здесь он учил и притчами, и чудом,
От грешных снов апостолов будил,
Простил Петра, предательство Иуды,
Взял крест, что выше человеческих сил.

В саду сейчас еще растут маслины.
Из их плодов монахи создают
В знак покаянья четки для молитвы
И с сокрушенным сердцем раздают.

Прости, Христос, нас всех за поруганье
Твоей любви за нашу нелюбовь.
Прими мой плач, Господь, за покаянье.
Здесь, в Гефсимании, у храма твоего.

Святая Елизавета

Твоя душа щедрее, чем богатства.
Твоя рука во всех концах земли,
И вот чрез алапаевскую шахту
Вошла ты Ангелом в Иерусалим.

Княгиня духа подвигом безмерным,
Ты подошла к любви, как к алтарю,
Связав с Россией свою жизнь и веру,
И вознеслась к святому житию.

Из тысяч книг ты выбрала Писанье.
С ним ты познала, что есть Красота,
И поделила с Богом все страданья,
В безбожном мире обрела Христа.

Вдовой оставшись, не ушла в ненастье,
Убийц простила и в своих руках
В тюрьму несла Евангелие счастья,
Исполнив заповедь – превозлюбить врага.

Как радовался Ангел, твой хранитель.
Ты предпочла дворцам уютный храм.
До сей поры стоит твоя обитель –
Дом милосердия в помощь всем сердцам.

И ты стяжала за любовь награду,
Отдав Христу остаток добрых лет.
Где ты была, там гефсиманским садом
Запахнет каждый кустик на земле.

И вот ты в Гефсимании цветочной,
Мариямагдалинская свеча.
Передо мной твои святые мощи
И крест с Евангелием на твоих мощах.

У гроба Богородицы

Я это место сердцем узнаю
И замираю в благостном поклоне.
У гроба Богородицы стою,
А сердцем нахожусь на Элеоне.

Твой поцелуй я чувствую душой,
Когда с молитвой к гробу притекаю.
По-матерински легкий и святой,
Как ты сама, Царица Преплагая.

О чем прошу тебя я, преклонясь,
Благодарю за твой Покров чудесный –
За омофор, надетый на меня,
Из гефсиманской синевы небесной.

За то, что привела меня к себе,
За ласковый прием в твоей гостиной,
За мудрый взгляд и неупрек в судьбе,
За то, что любишь ты меня, как сына.

Из рук твоих спасенье принимать,
В твоей иконе видеть пониманье.
За радость гроб земной твой обнимать
И целовать тебя своим лобзаньем.

И вспоминать в молитвах без конца
Твою любовь своим благодареньем,
Дарить твой образ ищущим сердцам,
Писать стихи – мои молитворенья.

Смотреть в тебя и видеть небеса
И беспредельность будущей Отчизны.
Я вновь иду в твой Гефсиманский сад,
Туда, где гроб твой выше всякой жизни.

Голгофа

Голгофский путь усеян морем слез.
Теперь он стал ступенями у храма.
На лобном месте был распят Христос,
И кровь его упала на Адама,
На череп, погребенный в тех краях,
Того, кто рай познал, его лишившись.
Трещало все – и небо, и земля.
Здесь в ад вошел Спаситель вечной жизни.

Земля была ослепшей в темноте,
Но мрак не может долго миром править.
Воскрес Адам с воскресшим на кресте,
И два Завета встретились во славе.

Здесь, на Голгофе, среди этих гор,
Средь суеты земной и крестной муки,
Воскресший Бог чудесно распростер
Над всем народом и любовь, и руки.

Иду по тем ступеням сам не свой.
Здесь нужно сбросить грешные оковы.
Завет Христа – любить, пока живой.
Спасенье начинается с Голгофы.

Когда-то здесь стоял твой дивный крест.
Я опускаю руку в то отверстие,
Но ты, великий Бог и сердцевед,
Ждешь покаянья от меня на этом месте.

И причащаешь, чтобы я донес,
Преображенный, обновленный свыше,
Ту тайну, что поведал мне Христос.
Причастный к вечности своей душой услышит.

Гора Голгофа – новая ступень
Через века былых грехопадений.
На этом месте исчезает тень
И только свет любви и воскресенья.

Крестный ход к Голгофе

Этот путь был полит Божьей кровью,
Как и встарь, здесь царит суета.
Самый трудный, с неистовой болью,
Крестный ход по дороге Христа.

Осудили его как злодея,
Божий сын превратился в врага.
Крест вручили ему фарисеи
И послали на лютую казнь.

Позади справедливость земная,
Человечьи земные суды.
Пот и кровь проливались на камни
И остались от крови следы.

Это чувствует каждый паломник
И стремится сюда каждый год.
Вот по этой дороге сегодня
Он с крестом до Голгофы идет.

С чем придем мы к вратам своим судным,
Коль на смерть осудили Творца,
А теперь здесь торговые будки –
Ареал золотого тельца.

Мы живем с небесами в разлуке
И без света идем наугад,
И в грехах омываем мы руки,
Как когда-то Понтийский Пилат.

Крест Голгофский нам вовсе не нужен.
Мы Христа разорвем по частям.
Не пройти сквозь игольные уши
Ни верблюду, ни нашим страстям.

Покаянье – начало спасенья
И свеча с благодатным огнем.
Путь, который ведет к воскресенью,
Начинается в сердце твоём.

Эти камни на крестной дороге,
Где Христа на Голгофу веди,
Вопиют, словно притчи, о Боге,
О его бесконечной любви.

Что наделали мы с небесами!
Поднимите свой взор в небосвод –
На Голгофу взгляните глазами.
Так куда ж ты идешь, крестный ход?

Иерусалимский огонь

Мир погибает, он лежит во зле.
Кругом Содом, и даже в Третьем Риме.
Все ждут конца, а на святой земле
Огонь любви сошел в Иерусалиме.

Ручей огня в Кувуклии Христа.
Небесный свет на острове спасенья,
А с ним пришла на землю красота
И поселилась в храме Воскресенья.

И вот я здесь, в Кувуклии, твой дом
Вмещает землю, небо многократно.
Вхожу во гроб с божественным огнем.
Он самый теплый, самый благодатный.

Он греет судьбы, души, города
И просвещает светом воскресенья.
И потечет рекой, как Иордан,
Передавая всем весну крещенья.

Его теплом сердца озарены,
И с небесами стерты все границы.
Огонь Неопалимой купины,
Его я вижу на глазах, на лицах.

Иерусалим, с тобой тебя несущи,
Горит лампада веры для спасенья.
В душе тебя, как свечку, увезу
В Святую Русь и поделюсь со всеми.

Лазарева суббота

Суббота Лазаря, небесный крестный ход
Течет рекой Любви к святому граду.
Идет с крестами, с пальмами народ,
Поет молитвы и кричит: «Осанна».

И утопает в пальмовых ветвях
Его поток сквозь километры веры

На всех понятных сердцу языках,
А в храмах русских освящают вербу.

И вот я вижу русской вербы пух.
Как он попал сюда, сквозь расстоянья?
Бьют барабаны, поднимая дух,
Сплетая радость чувств и покаянье.

И я иду, как русский пилигрим,
С благодареньем, с мыслями о Боге,
И мы заходим в Иерусалим
С молитвой по спасительной дороге.

Вот так и шел бы я к своей мечте,
И будет вечность мне небесным часом,
Молюсь Христу за Русь и за людей
Под воскресенье, как воскресший Лазарь.

В Иерусалиме

А в яффской церкви благостно и тихо.
Храм утопает в розовых цветах.
Апостол Петр здесь воскресил Тавифу
Для умноженья радости в веках.

Познав величье горестного часа
И выпив чашу смерти на земле,
Она воскресла, как вифанский Лазарь,
Для продолженья жизни во Христе.

Господь облек ее в свои одежды,
И вот она шагает по земле,
Чтобы раздать рубашки милосердия
Всем, кто нуждается и в пище, и тепле.

И вот здесь храм, как золото живое,
Придел любви апостола Христа.
Летят молитвы в небо голубое,
Причастный к счастью, я пришел сюда.

В страну Тавифы, чтобы поклониться
И постоять в молитвенном краю.
Благоухает розами гробница,
И птицы воздыхают, как в раю.

Павлины ходят здесь походкой дивной,
Поет петух, он первой зорьке рад.
Все воскресает к жизни, как Тавифа,
Свидетель – яффский благодатный храм.

Мамврийский дуб

Мамврийский дуб, Хевронская долина,
А рядом храм, как мачты корабля,
Столица веры и царя Давида,
А корни – как кресты и якоря.

Ты пережил эпохи и столетья,
Лукавый мир не смог тебя сломать.
И ты стоял, проникнутый бессмертьем,
Корнями в вечность, чтоб весь мир держать.

Ты будешь видеть и кончину света,
Как видел Духа, Сына и Отца.
В твоих ветвях дорога к двум заветам
От сотворенья мира до конца.

И вот стою перед тобою, старче,
Перед твоим молчаньем всех эпох,
Но в тишине веков ты горько плачешь,
Засохший дуб, но дух твой не засох.

Еще растут отростки для дубравы,
А, значит, миру подается шанс.
Тобой торгуют – желудем и славой –
От сотворенья мира до конца.

И нет конца той страсти беззаветной,
Довольно нам испытывать судьбу.
Когда конец у жизни, мира, света?
Я спрашивал – молчит Мамврийский дуб.

Средиземное море

Есть точка света в самом грустном взоре.
Путь к ней лежит дорогой не прямой.
Среди земли и в Средиземном море
Стою, как между небом и землей.

Тоскую я по этой точке света
И возвращаюсь на Голгофский путь
К пересеченью сразу двух заветов
С желаньем душу к Богу повернуть.

Где ты, моя духовная вершина?
Хочу прийти к тебе и устоять.
И вот она, небесная середина –
Крест, на котором вечность не распять.

К святыне, к Богу, к центру воскресенья,
Где град небесный на кресте воспет,
А я пытался солнце сделать тенью,
Но в центре света может быть лишь свет.

И в этой точке мира на планете
Восходит он, как новая заря.
Огонь не жжет, он согревает, светит.
Дай Бог его в душе не потерять.

Дорог случайных пройдено немало,
Но я средину эту не нашел.
Уже середина жизни миновала,
А я к Христу, как к свету, не пришел.

Но ты послал ослепшему в потемках
Звезду спасенья на земном пути.
На берегу морском играл ребенок,
И лучше этой точки не найти.

И нет уже душевного недуга,
И лишь покой от покаянных слез.
Он взял меня доверчиво за руку
И улыбнулся тихо, как Христос.

Стопа Вознесения

К следам Христа дорогою спасенья
Остался в скалах благодатный след.
Стопа на камне – месте Вознесенья,
Где начиналось небо на земле.
Часовня радости и Божьего величья,
И все века сошлись на той тропе,

И вот я здесь, на той горе Масличной,
Господь привел меня к Его стопе.
К следам Христа прикладываю пальцы,
Не доверяя собственным слезам.
Целую небо, радуюсь, как мальчик,
И простираю руки к небесам.
Невдалеке осталась колокольня,
Где монастырь стоит в живых лучах,
И храм открыт для сердца и раздолья,
Горит в молитвах «русская свеча».
Смотрю на небо в тишину спасенья,
И рвется сердце по следам Христа
Пройти свой путь земной до Вознесенья
И вознестись туда, где Красота.

Толва Иоанна Предтечи

Он шел на свет евангельским знаменьям
И, взяв свой крест, привел на Иордан
Все человечество для вечного спасенья,
Пророк любви – предтеча Иоанн.

Его глава на иродовом блюде
Лежала фарисеям, как упрек.
«Покайтесь, – говорил он грешным людям, –
И к вам придет всемилостивый Бог,

И царство вечности вам дарует свободу,
Когда придет к вам покаянный час».
На это слово собрались народы,
Вобрав в себя его пророчий глас.

Безглавый мир ему ответил смертью,
Но обезглавить веру он не смог.
Его глава – как основанье церкви,
Где восседает наш спаситель Бог.

Так жаждет мир, пронзенный нелюбовью,
Как Саломея, вырваться из тьмы,
И вот приходит ныне к изголовью
На место обретения главы.

Просторно жить душе над небесами,
И Иоанн Креститель здесь живет.
Родился храм с крестом и куполами,
Как продолженье иорданских вод.

Колодец Самарянки

Сихемский град, где жертвенник Иаков
Соорудил Божественный святой.
Здесь встретились Христос и самарянка.
Он напоил ее живой водой.

И вот я здесь молюсь и Бога славлю
С желаньем ковш спасения испить.
Глубок колодец веры православной,
Но каждый сможет жажду утолить.

Жить во Христе – на Бога полагаться.
Не знает вечность ни границ, ни дна.
Вода такая, что не оторваться,
Вкуснее меда, пива и вина.

Когда-нибудь я с Богом повстречаюсь,
Как самарянка, здесь в земные дни.
Пью эту воду, словно причащаюсь
Из родника Божественной любви.

Велик колодец из сихемской веси,
Свидетель Иоаковых времен,
Ветхозаветный благодатный вестник,
Прими новозаветный мой поклон,

Поклон с молитвой из земли славянской.
Святому месту сердцем поклонюсь
Я увожу глоток твой самарянский,
Как воду жизни, на Святую Русь.

В монастыре святого Саввы

Кедрон. Пустыня... и небесный крест
Среди камней безводных виден всеми.
Дождь – это благо высшее с небес,
Так говорят монахи в Иудее.

На солнцепеке, где песчаный плен,
Вода есть жизнь, не роскошь, не забава.
Возникла Лавра на Святой земле
В пустыне подвизавшегося Саввы.

Сюда, где тело не выносит зной,
Где жар небес геенной красной дышит,
Приходят иноки, чтобы стяжать покой,
Молиться так, чтобы их Бог услышал.

И вот среди скал и рифов храм живет,
Одной молитвой жив он на планете.
Господь его веками стережет,
Как самый драгоценный в мире перстень.

Обитель рано к жизни восстает,
Часы монахов крутятся молитвой.
Лишь три дождя приходят здесь за год.
Воды хватает им, чтобы напиться

И напитать молитвенно весь мир,
В пустынной келье спрятавшись от мира.
Предав себя забвению людьми,
Здесь мощи пахнут благодатным миром.

И снова солнце силу не сдает,
Нагнав жару в пустыне раскаленной.
Дождь покаянья в сердце настаёт,
Росою проступая на иконы.

Я видел эти капельки росы
И эту мощь на черепах монахов.
Прошли, как миг, в монастыре мои часы.
Пора идти мне в мир, но я заплакал.

Глава III

На родной ЗЕМЛЕ

Дивеевская Канавка

Дорога на небо, тропа к Божьим нивам,
Где встретишь весь мир на святой борозде.
По этой земле Божья мать ходила,
Избрав эту пашню в четвертый удел.

И крепнет в веках, как духовная вена,
Питая собой каждый шаг, каждый миг.
Ее называют канавкой священной,
Всеобщей молитвой за весь грешный мир.

Идем крестным ходом, как скажут в народе,
С желаньем Канавку до неба продлить.
Здесь каждую ночь Богородица ходит,
Чтоб нашу молитву своей подкрепить.

Попробуй пройти этот путь с ношей крестной.
Вот вновь над Канавкой плывет стая птиц,
И тянутся четки молитвы небесной
По всем нашим весям, не зная границ.

Увозишь отсюда духовные силы
С играющим солнцем в сердцах у людей.
И тянет в дивеевский храм всю Россию –
Спасать свои души в четвертый удел.

Пояс Пресвятой Богородицы

Божья Мать к нам идет навстречу,
Призывая под Покров святой.
Через два земных тысячелетья,
Простирая пояс свой живой.

Будто в вечность устлана дорога
От афонских дальних рубежей,
Полоса из райского чертога
К божьим нивам, от души к душе.

И крестом идет по всей России
Пояс матери, пришедшей за детьми,
И ладошкой тянется к святыне,
Как к ремню спасенья, грешный мир.

И звучат акафистные ноты
Перед ней в молитвенные дни.
Вся Россия, как живые четки,
Просит Божью мать о любви.

И она свой пояс бесконечный
Раздает, как милость, без конца.
Пояски текут от веси к веси
Узелками радости в сердцах.

Прийти к святыне

Прийти к святыне нынче нелегко:
Земная свалка правит на планете.
Креста дороже нету ничего
Из всех богатств, что есть на белом свете.

Куда мы тянем руки на Руси,
Каких алмазов только не держали.
На пальцах перстни, а душа в грязи,
Ржавеет крест на шее от печали.

Поднять не в силах взгляд на образа,
И жажды нет по брошенной Отчизне.
Живем не по евангельским часам.
Наш компас лжив от нашей грешной жизни.

Доверились безумной суете.
Все словоблудим, предавая слово.
И скачет Русь по черной борозде
В долину тьмы, как всадник безголовый.

Опомнись, воин, споенный врагом,
Отбрось с себя смертельные оковы.
Возьми свой крест и вместе со Христом
Иди на свет, что виден за Голгофой.

Ты, Божий ратник, силу собирай,
Прочти с душой молитву перед боем
И обретешь потерянный свой рай,
Когда поднимешь крест над суетою.

Саров

Саровский край – клочок к небесной жизни,
Земля угодника Любви,
Тропа к неведомой Отчизне
В небесный Иерусалим.

Как долог путь к твоим просторам,
К чудесной келье, где ходил
Сам Серафим, аскет Саровский,
И в каждом радость находил.

Пришел и я в твои объятья
Молитву к Богу вознести,
Здесь в тишине душой поплакать,
В лесной глуши сказать: «Прости».

Почуять силу покаянья
На месте, где стоял святой
В слезах за род людской на камне.
Ты и сейчас здесь как живой.

Как прежде, к Богу воздыхаешь
Своей молитвой за весь мир.
Ты радость в души посылаешь.
Здесь у Саровки твой родник.

Пью эту мощь в глотке спасенья,
Из рук твоих вода как мед,
А с неба снег летит смиренный,
Молитву белую поет.

И вот я – путник в светлой келье,
Акафист радости со мной,
В далекой пустыньке спасенья,
Как у кувуклии святой.

В твоём лесу, в твоей часовне
У камня вечности покой.
Паломник я или разбойник?
Зачем я здесь? Постичь любовь!

Александр Свирский

Я в этот край влюблен душой.
Здесь инок с духом богатырским
Сражался с демонской ордой
Постом, трудом в долине свирской.

Его любили небеса,
В нём сердце пламенное билось.
В карельских северных лесах
Святая Троица явилась.

К нему из новобытия,
Где вечность царствует над мигом,
Пришла небесная семья,
Назвав его любимым сыном.

Господь-Отец вручил ему
Дары Отечества святого
И поселил в нём Божий Дух
От Богосына всеродного.

Он образ девственный носил
В своей душе молитвой сильной,
И воссиял по всей Руси
Его божественный светильник.

Готовый душам всем помочь,
Вся жизнь его была смиренна.
В его мощах вся веры мощь,
А значит, Истина нетленна.

Все так же тянет в небеса
Во все века дух монастырский –
Там, где молился Александр
В небесных даях, инок Свирский.

И я сегодня перед ним
В его краю, в его ладонях,
Его молитвами храним,
Как Святорусь, в Лодейном поле.

У мощей Александра Свирского

В долине свирской свет – подать рукою.
Идешь к нему, он виден издали.
И храм любви беседует со мною
На языке смиренья и молитв.

Тот тихий свет мерцает днем и ночью
Лампадой свирской от святых светил.
Собор открыт, и в нём открыты мощи
Для всех, кто сердце Богу приоткрыл.

Куда ушли сомненья и усталость.
Тропа ведет туда, где небеса.
Меня встречает богатырский Амос –
Небесный инок чудный Александр.

И ты привел меня своей душою
Туда, где Троица сходила в тишине.
И вдруг погладил мощною рукою
Людскую немощь на моей главе.

Прошу одно, хотя и недостойн
Твоей десницы на своем челе.
Ты не отринь ее, небесный воин.
С твоей рукой я на святой земле.

Четыре мальчика

*Памяти Евгения Родионова,
Александра Железнова,
Андрея Трусова,
Игоря Яковлева*

Лежит икона на псалтири.
Я уловил небесный взгляд.
Четыре мальчика – четыре
Небесных воина стоят.

Четыре витязя нетленных,
Не снявших собственных крестов.
Перед врагом стоят смиренно,
А между ними сам Христос.

Один – Евгений Родионов,
С ним Александр и Андрей,
И воин Игорь – взгляд суровый.
Четверка воинов-друзей.

Четыре скорбные могилы,
Вокруг поклонные кресты.
Теперь им молится Россия
За избавленье от беды.

Их убивали на рассвете.
Свидетель – майская заря.
Четыре голоса бессмертья
Сегодня с нами говорят.

Вдали от Родины и мамы
Нательный крест сиял на них.
Четыре скорбных телеграммы
Пришли, как выстрел из Чечни.

Лежит икона на Псалтири,
Их лики ныне узнают.
Четыре ратника, четыре
С крестами, как в одном строю.

Дом Зои в Самаре

Из всех жилищ он самый лучезарный.
Идешь к нему, как будто бы домой.
Стоит дом Зои посреди Самары,
Средь небоскребов скрытый, но живой.

На нем Господь оставил вечный почерк,
Знак покаянья грешному уму.
Он, как икона, нынче мироточит.
Нельзя без слез прийти душе к нему.

Когда-то здесь в часы земных веселий
В предновогодней мертвой суете
Явил Господь чудесное знаменье,
И мир вдруг снова вспомнил о Христе.

Сам Николай, небесный Чудотворец,
Надел на деву покаянный крест.
В окаменевшей от кощунства Зое
Звучала вновь евангельская весть.

И стон ее услышали сквозь стены
Все города и люди всех эпох.
Как колокол, он призывал к спасенью
На перекрестке жизненных дорог.

И вот я здесь в столетии минувшем
Перед окном – иконой в горный мир.
Стою у дома в тишине воздушной,
И гладит вечность мой застывший миг.

А дом читает каждый день акафист
За нас, за всех, застывший, как монах,
А мир, как Зоя, в каменных объятьях
Блуждает снова в собственных грехах.

Самарский старец, Зоин чудозритель,
К тебе приходит новый блудный сын,
Как гость земли к тебе, в твою обитель,
Пришел я с вечностью твоей сверять часы.

Прими мой возглас сердца, как молитву,
Скупые слезы, словно Зои скорбь,
И отвори небесную калитку
В края, где пребывает сам Господь.

Молога

А над Мологой снова Божий храм.
Его над Волгой нелегко заметить.
Плывут кресты с могил навстречу нам,
Напоминая нам о нашей смерти.

Он, словно лебедь, вышел из воды
И распростер, как встарь, свои объятья.
Река хранит еще его следы
И дух молитв неведомых нам братьев.

Бывает, храмы строят на крови.
Бывает, топят их в глубоких водах,
А этот в память нашей нелюбви
Ушел на небо, словно для полета.

Но иногда он виден в мираже
И возникает здесь, над водной далью,
Как часовой на волжском рубеже
Немым укором, вечною печалью.

Вот и сейчас он виден издали,
Как этот крест с мологского погоста.
Как будто вырван он из-под земли,
Быть может, нам покаяться не поздно.

Мологские берега

Здесь царство мертвое воды,
Сплошная тьма и дни ночные.
На эти кладбища цветы
Не смогут принести родные.

Здесь погрузились города
В свой вечный плач по дням минувшим.
Им не увидеть никогда,
Что им готовит день грядущий.

Вину я чувствую свою,
Когда водой иду к Мологе.
Как на погосте, я стою,
Ни троп не зная, ни дороги.

Там, под водой, дома людей,
И города, и деревушки,
А сколько горя и скорбей
Осталось в их невинных душах.

Стою на волжском берегу,
А в сердце снова ноет рана.
Поклон исполнить не могу
Тому невидимому храму.

А тем, кто жизни этих мест
Своим решением разрушил,
Желаю здесь поставить крест
Земному равнодушию.

Чтоб у него был список весь
Убитых всех окрестных весей,
Чтоб он учил нас плакать здесь
За наше бессердечье.

Бол. Мологи

Какая быль, а говорят, как небыль.
Былых земель не обойдет рассвет.
А над Мологой больше нету неба.
Самой Мологи уже больше нет.

Какая боль скопилась в этой веси.
Страшнее раны только море тьмы.
Земля убита, ей с водою тесно.
И больно всем – и мертвым, и живым.

Нет ни погоста, ни высоких звонниц.
На мелководье черепки веков,
Но как душе здесь хочется сегодня
Поплакать вместе с раненой рекой.

Какая даль над морем рукотворным,
Еще недавно здесь росли цветы.
Остались только вечные просторы
И гордый пен, торчащий из воды.

Два Валаама

Струился свет по водной глади ровно,
Открылся взору богомольный храм,
Небесная и водная иконы,
А место встречи – старый Валаам.

Здесь вечности равняется минута,
Молитвой дышит каждый разговор.
Иконы ночи и иконы утра,
А между ними – девственный собор.

Небесный остров виден над волною.
Осталось сделать к Богу только шаг.
Два Валаама встретились со мною –
Икона вечности с иконою земною,
А место встречи – детская душа.

Храму Покрова на Нерли

И снова сердце тянет на Нерлинку,
Чтоб оказаться у крутого рва
И уронить нечаянно слезинку
У стен величья храма Покрова.

Здесь царство Духа, блага и покоя,
Я оказался на святой земле.
Стоит луна над храмом и рекою,
И я стою, как в звездном алтаре.

Здесь дух моей истории и память,
Молитвы неизвестных мне имен,
Что прикасались к этим белым камням,
И я вступаю с ними в связь времен.

Хочу найти минуты утешенья,
Молитвы сердца небу передать.
Восход любви, крылатость, умиление –
И это все дает мне Божья Мать.

Мое желанье – тихо помолиться
Без суеты, сплетаясь с тишиной.
Хочу сюда еще раз возвратиться –
И возвращаюсь сердцем и душой.

Приморский край

Приморский край, огромный и чудесный,
К твоим просторам я всю жизнь иду,
Чтоб ароматом сакуры небесной
Мне напитаться в розовом саду.

Ты словно штрих в божественном узоре,
Край, где душа восходит к небесам.
Здесь русский дух живет в Японском море,
Впадает в вечность Тихий океан.

Владивосток, ты друг мой закадычный,
Хранимый Богом, я в твоих руках.
Он здесь граничит с небом безграничным,
Хотя граница рядом, в двух шагах.

Тили Саваслейка

Родная ширь, родная сторона –
Простор лесов и далее деревенских,
Мордовский край и белые снега
Слились в простом названье Саваслейка.

Привет:

Живи, село, и славься, Русь моя,
Моя глубинка с русскою душою.
Твои сыны живут не для себя,
А для России с Родиной святою.

Века, как корни, берегут ее,
Стоят за ней и судьбы, и столетья.
Здесь Русь моя и небо – все мое,
И белый храм, как утро над Велетьмой.

Привет:

Здесь пахнут росы чистотой полей,
Колодцы напоят живой водицей.
Мой дом – Россия и в родном селе.
Я для нее живу, я здесь родился.

Саваслейка

Священный край, родная сторона,
Столица детства с именем неброским.
Тропа к судьбе, что каждому дана
На самом главном в жизни перекрестке.

И жизнь моя коснулась этих мест.
На карте мира они меньше точки.
Село родное, Божий благовест,
Отчизны милой девственный источник.

Его когда-то Саваслейкой нарекли.
Был первожитель этой веси – Савва.
Столетия незаметно утекли,
Осталось имя у села и слава.

Встает заря, над родиной рассвет.
Несет река Велетьма воды жизни.
В домах огни, а в храме – Божий свет,
И так светло душе в своей отчизне.

Большая деревня

Заболело село, закручинилось,
Догнивает оставленный кров.
Эх, больная моя Россиюшка,
И дома как десна без зубов.

Одинокий фонарь лампой тусклою,
Как свидетель старушских морщин.
Стыдоба – демография русская –
Отпевание чаще крестин.

Ну а те, сиротливо бездушные,
Что оставили печи и сруб,
Кто затеплит лампы потухшие,
Кто заменит нам вырванный зуб?

Может, в дали иные, былинные,
Наш народ от себя занесло.
Только речка течет по-старинному
Через наше родное село.

Омываю слезами негрустными
Берега и дневной небосвод,
Где леса и поля святорусские
Дарят людям живой кислород.

Дай-то Бог, у воды этой девственной
Вновь возникнут живые дома,
В белой церкви лампада затеплится,
И дурная рассеется тьма.

Курьбаки

Городок с историей не древней
И с дорогой ломкой, не прямой.
Кто-то назовет его деревней,
Сравнивая с Нижним и Москвой.

Мне ж милей, отставшему от жизни
(Цвет столиц давно не по нутру),
Этот город – Родина, Отчизна.
Я родился здесь и здесь умру.

Есть иные дали за спиною,
Но остаться – значит прорасти
В этот край, подняться над землею,
Чтобы он тебя не отпустил.

Здесь своя история сплеталась
И моя судьба в один венец.
Помнит город все в большом и малом,
Как трудились дед мой и отец.

Пусть не все по жизни получилось –
Дом, березка, дети и семья.
За меня здесь бабушка молилась,
Ну а нынче очередь моя.

На погосте холмики с крестами.
Жизнь идет не как в моих стихах –
В душах, в лицах, в стенах старых зданий,
В кулебакских заводских цехах.

Иногда мне хочется уехать,
Чтоб вернуться тихо и без слов.
Где-то вдалеке услышать эхо
Песен кулебакских соловьев.

Что имел я – мне всего хватило,
Все отдам я городу любя.
Не уехал – сердце не пустило.
Да и как уехать от себя?

Гремячевский родник

Гремят ключи из-под церковной горки,
Поет вода молитвы наизусть.
Живет родник, как утренняя зорька.
Веками в вечность проложив свой путь.

Слезами неба гремячи назвали
Рай родниковых серебристых вод.
Любой паломник здесь, как на привале,
В Казанский храм с молитвою войдет.

Оставит в нем мятежную усталость,
Попьет воды из чаши родника
И о судьбе своей поплачет малость,
Когда омоет душу от греха.

И вновь на небо бросит взгляд вокзальный,
Собравшись в путь, водицы зачерпнет.
Родник в душе забьет ключом хрустальным,
Раздаст себя тому, кто унесет.

Эй, человек, где образ твой смиренный,
Ищи в себе, что в людях не встречал,
А если жаждешь ты воды нетленной,
Приедь в Гремячево, к его живым ключам.

Люблю Москву

Люблю Москву не как столицу,
Где жили русские цари,
Не блеск страстей из-за границы,
Люблю ее монастыри.

В них живо наше Святорусье,
Что сердцу русскому милей.
Там, где душа столетий русских
Сплеталась с Родиной моей.

Часовни, храмы и церквушки,
Как корабли и якоря.
Собор Успенский с сердцем русским
В стенах Московского кремля.

Здесь прихожу я черпать силы,
Молиться, плакать так легко.
Вот где начала всей России
Из христианских родников.

Святой Филипп, святой Иона,
Защитник веры – Ермоген.
Нерукотворный Спас – икона,
А за стеной наш мир – наш тлен.

Они святынь не замарали
На фоне грозных смутных лет,
Они ушли, но не пропали,
А мы живем, а нас уж нет.

Душа, проснись от поруганья,
Тебя зовут в небесный град.
Осталось только покаянье.
Гляди, уж смерть стоит у врат.

Храму Николаю Второму в Знаменке

Все святые радуются с нами,
Если видят покаянные дела.
Белый храм на Знаменке, как знамя,
Станет воскресением села.
Рвется ввысь, как лебедь в белой стае,

Церковь страстотерпцев в небосвод.
Корень веры белый храм питает,
Подвиг царский в стенах тех живет.
Купола готовятся, как мачты,
Стать на место, чтобы храм-корабль
Вел к спасенью души в море мрачном,
И готовы петь колокола.
В этом камне дух живой заложен,
Знамя славных добрых дел, как встарь.
Все осилит, если Бог поможет,
С нами православный русский царь.
И его семья, и дух казацкий,
Будет любо, если все года
Будем жить с любовью и по-братски,
Как Христос нам в заповеди дал.
И тогда кадеты станут вместе
В ряд один родной своей семьей,
Чтоб вложить сюда свой камень веры
И построить храм своей душой.
Будет радость в Знаменке казацкой,
Жизнь проложит магистраль надежд,
И душа, рожденная спастись,
Вновь воскреснет с Храмом во Христе.
Дух любви здесь царский воцарится,
В храм войдет небесное тепло,
Станет всею вечности станица.
Только с храма начинается село.
Будет жизнь здесь Богом разрастаться,
Над крестами слушать благовест.
Посмотри, как купола стремятся
К облакам на высоту небес.

Кадет

Любовь в душе, на шее крестик.
Отвага предков за спиной.
Кадет всегда причастен к чести,
Когда он честен сам с собой.

Уверен, выдержан, спокоен,
Идет он с верой и с Христом
Туда, где нужен он, как воин,
С врагом сразиться и со злом.

Он первый в целях и в ученье.
Ему еще так мало лет.
Он – светоч будущих свершений,
Он – воин света, он – кадет.

Его присяга – верность Богу,
Желанье службой доказать,
Что в жизни есть одна дорога –
Себя служению отдать.

В ней семя чести офицерской,
В стяжанье Духа славных дел,
Кадет живет душой и сердцем,
Как настоящий офицер.

Ну а пока в нем столько мощи
Нести свой крест, служа Руси.
И верность вере днем и ночью
У Бога с трепетом просить.

Твое пред Русью послушанье
Найти себя, как ищут свет.
Так оправдай свое названье
И имя доблести – кадет!

Казацкий дух России по душе

Казацкий дух России по душе.
На страже мира он к Христу предтеча.
Казачество всегда на рубеже
Двух самых важных для людей Отечеств.

Одна Отчизна – русская земля.
Ее просторы для врагов закрыты.
Другая Русь – небесные края.
Казацкий дух здесь верою испытан.

Две Родины собою заслонит
Казак любви, с ним истина и правда.
Он всех врагов России победит,
И ей он служит верой православной.

Он близок к Богу и его дарам.
Душа его как окрыленность птичья.
Казак приокский, как прибрежный храм,
Граничит с небом, с вечностью гранича.

Памяти «Булгарии»

*Гонят нахлестом темные воды
Злые кораблики где-то в Татарии.
Там днем и ночью идут теплоходы.
Где же «Булгария»? Нету «Булгарии».
Детским сандаликом, как маленьким грузиком,
Выплеснет, может, как мелкие семечки.
Вечно останутся в комнате музыки
Бывшие мальчики, бывшие девочки ...*

Из стиха на стене
памяти в Казани

Катастрофа, земная авария –
Сотни жизней в воронке смертей.
Утонула от боли «Булгария»,
Выбрав Волгу могилой своей.

Горе льется, как море бескрайнее.
Рядом дно и стихия греха.
Смыло черной волной пожирающей
Солнце детских улыбок река.

Оборвалась дорога беспутная
В век бабловых шальных скоростей.
Мимо катят суда, как безлюдные,
И не видят за бортом людей.

Эхо «Курска» сквозь годы забвения
Раздается в штормах нелюбви.
Не помогут жилеты спасения
Тем, кто этот корабль утопил.

Храм не строят на водной дороге.
Это место – уже Божий храм.
Опускается в царство Мологи
Утонувший на Волге корабль.

Будет крест, как цветок незабудки,
В этом месте до неба взывать.
Мы к смертям привыкаем, как к будням,
И не можем смириться, принять.

Будит утро заря лучезарная,
Омывая рассветом глаза.
Ты прости нас, Господь, за «Булгарию»,
Взявшей курс от воды к небесам.

Последний звонок

У школьной дороги есть давние тропы
По детским сердцам и по памяти всей.
Пусть этот звонок станет вашим уроком,
Границей для будущих новых путей.

Пусть он согревает вас в дальних дорогах,
Как колокол детства из школьных краев,
Звонит в каждом сердце, звонит, как с урока,
На всю вашу жизнь наставленьем без слов.

Несите его словно детскую мудрость,
Как школьный подарок на память другим,
Ведь вы с ним вступаете в новую юность,
Чтоб стать и остаться по жизни людьми.

Антоний Дымский

Благословенны дымские края.
Просторы света будто на иконе.
И тишина, как детская заря,
Где подвизался иноком Антоний.

Недаром в тихих Тихвинских лесах
Искал он тишину уединенья
И выбрал камень веры на водах –
Утес трудов молитвенного бденья.

На этом мысе он всю жизнь провел,
Зимой и летом в камень прорастая,
И монастырь молитвенно расцвел
На озере, как острове из рая.

А Русь тогда крошили в суете.
Одна война сменялась новой битвой,
А он стоял на камне, на воде,
И собирал ее своей молитвой.

Твой крест, как крепость, смотрит на меня,
Стоит на озере он камнем богатырским,
Предтеча Серафимова огня
На тихвинской земле Антоний Дымский.

ГЛАВА IV

У СВЯТОГО ИМЕНИ (из ранних сборников)

Нагниси

Отдай другим все дорогое,
И все останется с тобою.

Андрей Владимирович

Давно, для вечности недавно
И ввысь, и вдаль, и вглубь, и вширь
Андрей – апостол Первозванный –
Здесь землю русскую крестил.

Веками складывалось Имя
Вокруг креста который год,
А просвещенный князь Владимир
Тогда уже крестил народ.

Святая Русь – святая сила,
Как нерушимая стена.
Двойным крещением Россия
От всех врагов защищена.

В купель Христову опустилась
И в сердце вечность приняла.
Тогда и Отчество Россия
На небе с Богом обрела.

Христос – вот русская идея.
Есть у души один творец.
И вот зовут меня Андреем,
Ну а Владимир – мой отец.

Святая Русь – моя Россия,
Во всем я вечность узнаю.
Когда я слышу твое имя,
То славу Богу воздаю.

Андрей многозванный

Для доброго имени созданы люди,
Небесные зрители жизни моей, –
Андрей Первозванный, Андрей Боголюбский.
А я – многозванный и грешный Андрей.

Заложены в имени дух и свобода.
У каждой реки есть свои берега.
Кто служит Христу, тот распят у народа,
Но имя его освящают века.

А сколько сынов пронесло это имя
Во имя Христа, умножая любовь:
Андрей Стратилат – полководец из Рима,
Андрей Кессарийский – мудрец-богослов.

А избранный Богом отец покаянья,
Подвижником Критским он стал для людей.
Великий Канон его полон сиянья,
А звали его очень просто – Андрей.

Стираются камни, и стены стареют,
Но имя вступает со временем в связь.
Святой и Юродивый тоже – Андреи,
Славяне по крови, отшельник и князь.

Страдальцы за Крест и за ними спасенье –
Вы строили стены небесных церквей,
Чтоб Троицу видели все поколения,
Родился Рублёв, его звали Андрей.

В обители Сергия, в будущей Лавре,
Отправились жертвовать жизнью своей
Монах Пересвет с Родионом Ослябей,
А раньше последнего звали – Андрей.

И даже князья пронесли это имя,
И слава Руси не померкнет с тех пор.
Андрей Боголюбский прославил Владимир
И вечности символ – Успенский собор.

И царь Николай в наше смутное время,
Подобно Андрею, был рядом с крестом.
Великий позор перенес со смиреньем.
Погиб за Христа и теперь со Христом.

За Царской семьей вся Россия стояла,
И плакала Русь здесь, у райских дверей.
С ослепшей душой по пустыням плутала,
Но с нею был крест и апостол Андрей.

Апостольский путь – как тяжелая плаха.
А сколько Андреев, неведомых мне,
Сражались за Русь под Андреевским флагом
В морях, океанах, на нашей земле.

Кресты с именами их славу покроют,
В церквях и в сердцах им поют благовест.
Их имя зовет к себе новых героев,
И станут они под Андреевский крест.

Но были и те, кто, отвергнув спасенье,
Покрыли проклятьем андреевский род.
История их проклинает забвеньем,
Забудут о них и земля, и народ.

Свой крест поднимают Петры и Иваны,
И каждое имя приходит на суд.
Святой князь Андрей и Андрей Первозванный,
Избавьте Россию от новых Иуд.

Мы дети Христа, с нами правда Христова,
И гены народные в духе сильней.
С Россией иконы Андрея Рублёва,
К которым подходит Тарковский Андрей.

А сколько имен мы еще не слышали,
Предания предков небрежно храня.
Я знаю одно – их Андреями звали,
Как ныне теперь называют меня.

И мне выбирать этот путь постоянный,
Чтоб имя свое до Христа донести,
Как мой покровитель – Андрей Первозванный,
С опорой на крест, и с креста не сойти.

Для Бога и вечности созданы люди.
Святые, как зрители жизни моей, –
Андрей Первозванный, Андрей Боголюбский
И аз – многозванный и грешный Андрей.

От отчества и имени

Мое имя – земное пророчество.
Вместе с ним я по жизни иду.
От отца унаследовал отчество,
А от матери-Родины – дух.

От Отечества – силу свободную,
От фамилии – знак родовой,
От России – святыню народную:
Веру в Бога, а Бог есть любовь.

От судьбы – глубину испытания,
От беды – самый строгий совет,
От истории – мудрость предания,
А от Истины – Божий завет.

От земли – глубь ее неизвестную,
От реки – жажду к цели доплыть,
А от птицы – молитву небесную
И ответ на вопрос: как мне жить?

Где бы ни было счастье желанное,
Я возьму с собой опыт веков.
Все вложу в свое Имя, мне данное
На земле от святых родников.

Тили семье

Семья – вот клад наш многовечный,
Источник мудрости и сил.
Она как дивный семисвечник
Всем поколениям на Руси.

Святой родник – исток и устье,
Хранитель русских рубежей.
В ней зреет семя Святорусья –
Начало Родины моей.

В семье живет душа Вселенной
И отражает небосвод.
Рекой любви благословенной
Течет она из рода в род.

Семья как мать человечья.
За ней любовь и сыновья,
И будет Русь Святой и вечной,
Пока крепка ее семья.

Моя семья

Четыре матери вели меня по жизни:
Одна меня когда-то родила,
Другая – Русь, как матушка-Отчизна,
Меня в свои объятия приняла.

А третья мать меня крестила в храме,
И церковь стала матерью моей,
Где я узнал в своей небесной маме
Четвертую – одну на всей земле.

Ее зовут в акафистах и пеньях
Всепетой Матерью, я видел Ее лик.
Она являлась мне в моих молениях,
Как мать к ребенку в самый нужный миг.

Ну и отцов, как водится, – четыре:
Отец мой кровный дал мне эту жизнь,
Второй был отче – крестный в этом мире
Мне указал дорогу для души.

Когда отец земной меня оставил,
Тогда открылся ангел предо мной –
Отец духовный – третий мой наставник
Повел меня божественной тропой

Туда, к Христу, к его незримым весям,
К Его любви смиренной и простой.
Он – мой Отец – четвертый и превечный,
В нем все отцы встречаются со мной.

И храм – мой дом, в котором места хватит
Для всей семьи, чего еще желать?
Здесь счастлив я среди сестер и братьев,
Где мой Отец, а рядом – Божья Мать.

Небесная анкета

Я родом вышел из корней славянских,
Готов Отечеству – Святой Руси служить.
Фамилия простая – Православный.
А имя нужно жизнью заслужить.

Пусть в родословной есть свои секреты.
Святая церковь стала мне семьей.
По воле Божьей я живу на свете.
Я Русский – это отчество мое.

И если есть высокая вершина,
То имя ей – небесный Гражданин.
По-русски жить – любить любовью сына,
Чтоб Бог назвал тебя – Христианин.

Три главных слова мы несем по жизни:
Фамилия, и Имя, и Отчество свое.
Они как код к божественной Отчизне,
Ну а ключи есть наше житие.

Старик и внук

Старик и внук стояли у причала.
Два взгляда на речной воде сошлись.
Две бесконечности друг с другом повстречались,
Как берега реки с названьем Жизнь.

Старик смотрел на прожитые годы,
Как на корабль, плывущий по волнам,
Искал глазами в даях небосвода
Конечный пункт земли – небесный храм.

А мальчик видел водные просторы,
Кораблик счастья по течению вниз,
Грядущий замок и песочный город,
Дорогу к морю, в солнечную высь.

Старик держал морщинистую руку
В руке ребенка, радуясь, как внук.
Две бесконечности смотрели друг на друга,
И все земное замерло вокруг.

Покров

Земная твердь, дороги и ухабы,
Но есть иная ширь и высота.
Сегодня мальчик под Покровом папы,
А завтра встанет под Покров Христа.

Пусть первый шаг он сделает в испуге,
Зато второй получится без слов.
Устал малыш и просится на руки
Под материнский ласковый Покров.

А дальше мир, мальчишке незнакомый,
Он только слышит чьи-то голоса.
И вот уже он под Покровом дома,
Глядит в окно и видит небеса.

Малыш Луне и звездочкам кивает,
Как будто просит утро подождать.
Но под Покровом ночи засыпает,
Когда молитвы прочитает мать.

Проснется он с любимым словом – «мама».
А рядом будет папина любовь.
Душа напьется благодатью храма
И там найдет Божественный Покров.

Пройдут года, и, радостью ведомый,
Найдет он к Богу нужные слова,
И станет храм его родимым домом
Через молитву в церкви Покрова.

Небесный свет, не знающий предела, –
Иная даль, иная красота.
Душа сегодня под покровом тела,
А ей так нужно под Покров Христа.

Язык вещей

Люблю легенды и преданья,
Хочу понять язык вещей,
У них особое дыханье:
За каждой вещью – жизнь людей.

Я так хочу быть с ними рядом,
Чтоб дверь к их тайнам отворить,
Коснуться их рукой и взглядом
И тихо с ними говорить.

Они как сказочная редкость.
В их души вложены сердца
Моих родителей и предков.
Все вещи – в мать или в отца.

Вот печь-красавица в прихожей.
Она нас грела много лет –
Печник сложил ее на совесть,
А печника в живых уж нет.

Висит гармонь, меха развесив,
Ждет музыканта-молодца.
Гармошка знала много песен,
Когда была в руках отца.

А вот и свадебный подарок,
Что привезла с собою мать, –
Сундук с секретом и приданым
Богатства дома умножать.

Я вижу бабушкины бусы,
Они ей нравились самой,
Ковер, где лебеди да гуси,
Грустит поблекшей бахромой.

Будильник – детище прогресса –
Подарок от моей родни.
В углу корзины пахнут лесом,
Грибы соскучились по ним.

Стучат часы, напоминая,
Как важно время уважать,
Кровать скрипучая, родная
Мне говорит: «Пора вставать».

Меня родительские плечи
Здесь пронесли через года,
А руки строили скворечник
Для птиц, слетавшихся сюда.

И душу тянет на природу,
Где лес и речка за бугром.
Мне соловьи запели оду
Про жизнь, любовь и отчий дом.

...Люблю легенды и преданья,
Хочу понять язык вещей,
У них особое дыханье:
За каждой вещью – жизнь людей.

Ключ

Я заброшен сюда, на планету вещей.
Для чего и зачем здесь я ныне, узнать бы.
До сих пор узнаю в связке старых ключей
Тот оставшийся ключ от сгоревшей усадьбы.

Как брелок и подарок от прожитых дней,
Он висит на кольце на обычной цепочке,
И родительский дом на ладони моей
Оживает опять, словно стих в этой строчке.

Я ношу его в куртке, поближе к душе.
Дом, в котором я вырос, меня не оставит.
Даже если он жив лишь в моем мираже,
Ключ под сердцем моим в левом верхнем кармане.

Может быть, он подходит к небесным дверям.
Я открою свой дом, и войду в него с миром,
И увижу в нем храм своего бытия.
Дом земного отца – это наша квартира.

Я оставил его, словно вещь для огня.
И натальный мой крест – это ключ к новым весям.
Я несу его в мир, а он носит меня,
Чтоб войти в новый дом под названием –
Вечность.

Ностальгия

Ностальгию сердца я не одолею,
Хоть и унывать мне тоже не с руки.
Почему-то в детстве жизнь была добрее,
Благодатней были даже пироги.

Молоко коровье, сдобренное пенкой,
Как пломбир московский, так просилось в рот.
Была слаще вишня в рае деревенском
И вкусней малина из лесных широт.

Дом, где я родился, был как королевство.
В лужах ручейных видел я рассвет.
Ну зачем тогда я расставался с детством?!
Ведь того, что было, уже больше нет.

Что-то изменилось в маленьком Андрюшке.
Он теперь, как мячик, толстый и большой.
В памяти остались бабушкины плюшки,
Разве их заменит гамбургер чужой?!

Нынче популярны красочные книжки,
Только мало сказок в них я прочитал.
Вспоминаю глазки плюшевого мишки.
Почему добрее их я не встречал?

И хотя все было в будничном режиме,
В памяти остались розовые дни.
Почему-то в детстве мы добрее жили –
Это ностальгия сердца по любви.

Если я устану от привычной гонки,
От потерь внезапных собственных друзей,
Я пойду по жизни с мыслями ребенка
В поисках вчерашних добрых кораблей.

Собственное сердце

Ты хочешь жить – тогда учись у смерти.
Куда ни глянь, везде один порог.
Я видел мир, но собственное сердце
Прочесть, как книгу совести, не смог.

Ни в городах, ни в самых дальних весях
Я не заметил Истины своей.
Я мир познал, но к собственному сердцу,
Как оказалось, не нашел путей.

Дороги к звездам, странствуя по свету,
Я изучал по формулам чужим.
Я встретил мир, но собственное сердце
Так и не понял в океане лжи.

Через эпохи, вехи и столетья
Прошла вся жизнь нелепая моя.
Я знал людей, но собственное сердце
Осталось вечной тайной для меня.

Когда-нибудь с мечтою о бессмертье
Мои года срастутся с тишиной.
Я оглянусь на собственное сердце,
Чтобы осилить сложный путь земной.

За каждый миг не просто я в ответе.
Что я оставляю за своей спиной?
Забудет мир, но собственное сердце
Из всех богатств останется со мной.

Придет мой час, глаза мои померкнут,
И я доверюсь заданной судьбе.
Открой мне, Боже, собственное сердце,
Чтоб в нем увидеть правду о себе.

Спас Нерукотворный

Душе тепло, уютно и просторно,
И ровно льется благодатный стих.
Перед глазами Спас Нерукотворный –
Мироточивый чудотворный лик.

Твой образ, как Евангельская притча,
Глубок и мудр, он обращен ко мне.
А я взираю на Твое величие
Под благодать молитвы в тишине.

Ты строг от черствости людского невниманья,
От смрада с гарью, что к Тебе несут,
И ласков к тем, кто ищет покаянье.
Ты принимаешь каждую слезу.

Твои глаза, они живут покоем.
Смотрю на них и вижу небеса.
Я прикасаюсь к ним своей душою
И нахожу ответ в Твоих глазах.

И вот уже рассеялось ненастье,
И благодать приятна, как родник.
А рядом дети с мыслями о счастье,
И я учусь у них Твоей любви.

Великий Спас как вечность мне открылся.
И не было иного бытия.
Случайный взгляд на мне остановился,
И в той улыбке я узнал Тебя.

Передо мной проходят поколенья,
Через века глядящие в Твой лик.
Я вижу их в иконе Умиления,
Как мальчик, останавливая миг.

Внутри тепло, уютно и просторно,
И стало больше света для людей,
А я смотрю на Спас Нерукотворный
И узнаю Его среди детей.

Неродившемуся другу

Я друг невидимый, тебе я не известен.
Ты не рожден еще, но ты живешь в других,
И твой язык я слышу через вечность.
Он близок мне, как добрый, светлый стих.

Я не смогу дотронуться рукою
До рук твоих, увидеть твоих глаз,
Но я коснусь тебя своей душою,
Чтоб через время встретиться хоть раз.

Оклад

На колокольне старый склад.
Я слышу горестные стоны.
Мои глаза нашли оклад
От древней стершейся иконы.

А он, упершийся в косяк,
Лежит, как труп, с отхожим хламом
Среди ненужных железяк,
Касаясь пола, а не храма.

Он душу мне разбередил.
Сто лет назад он был в каратах,
В иконный образ он входил,
Переливаясь пред лампадой.

Пред ним свершались чудеса
И шла молитва постоянно.
Его паломник лобызал,
Касаясь сердцем покаянным.

Но был у радости предел.
Теперь иконы рядом нету.
Он невзначай осиротел
В годах безбожных пятилеток.

По воле злой иль наугад
Оклад рукою грубой сняли.
Когда делили все подряд,
То душу с телом разделяли.

И стало все вокруг чужим,
И до сих пор ему так больно.
И плачет сердце без души,
Как тот оклад на колокольне.

Березка над водой

Есть на Свири пейзаж любимый мой,
Где деревья с водой готовы слиться.
Березка наклонилась над рекой.
Видать, хотелось ей испить водицы.

И до сих пор, застывшая, стоит
Над необъятной бесконечной ширью,
В земном поклоне на воду глядит,
Не уставая любоваться Свирию.

О, человек, где твои глаза?
К земле согбенный, ты на что зриаешь?
Учись смотреть душу в небеса,
Как та березка в Свирь, не отрываясь.

Между мглой и вечностью

Покрепче Крест в руках держи,
И одолеешь ветры встречные.
Наполни смыслом свою жизнь,
Ведь каждый миг граничит с вечностью.

Бесшумным водам подражай,
Взгляни на время быстротечное
И перед будущим решай,
Как миг земной насытит вечностью.

Склонись над памятью веков,
Получишь мудрость безупречную,
Друзьями сделай всех врагов –
Не постыдишься перед вечностью.

Трудись, как солнце над землей.
Пусть в людях мало человечности,
Но ты зажги свечу над мглой,
Чтоб осветить дорогу к вечности.

О любви

Апостол говорит: «Любовь не превозносится,
Не ищет своего, не требует награды».
Она – святой родник, ей изливаться хочется,
Чтоб рос в сердцах людей ее духовный сад.

Не в зависти Любовь, а в силе покаяния.
Чудесный аромат ее не подменить.
Любовь не мыслит зла, она не прекращается,
И высота ее – в умении простить.

Предела нет Любви в сердцах и в бесконечности,
Божественный покров несет через века.
Вся долгота ее от времени до вечности,
А заповедь Любви незримо широка.

Любовь всегда живет под парусом смирения,
Плывущим в даль небес, где праведных юдоль.
А мы все о земном, о суетном, о временном
И даже о Любви. Но где она, Любовь?!

Смысл любви

Спросил учитель: «В чем есть смысл любви?»
Учеников своих и вывел их на стужу.
Один сказал: «В молитве за других»,
Другой заметил: «Чтоб земле быть нужным».

А старец слушал это и молчал.
Промолвил третий: «Все раздать для Бога».
Ну а мороз все более крепчал,
Настигла дрожь участников урока.

И в этот миг, промерзшие насквозь,
Они услышали слова: «Чем вы живете,
Так почему же вы стоите врозь,
Свое тепло другим не отдаете?»

Согреть хотите теплотой молитв
Все человечество, с которым вы в разлуке.
Мечтаете о пользе для земли,
Не научившись думать друг о друге».

Он замолчал и тут же сделал шаг
Навстречу им, они обнялись вместе.
Исчез мороз, ушел холодный мрак,
И таял снег на том горячем месте.

Без Бога

За все я скоро дам ответ.
Чужую жизнь судил я строго,
Забыв о собственной на нет,
Чего-то строил, но без Бога.

Я достигал земных вершин,
Мне было мало очень много.
Ничтожной славой дорожил,
Пытаясь выжить, но без Бога.

Я без любви дарил цветы
Тем, кто любить меня пытался,
Искал источник красоты
Без Бога, чтобы наслаждаться.

Я принял боль своих потерь,
Живя без времени и срока,
Внимая голосу страстей,
И отделил себя от Бога.

Чего достиг я без него?
Вершин и планов безымянных?
Они не стоят ничего,
Коль нет любви и покаянья.

Я вел в погибель сам себя.
Тропинки спутались с дорогой,
Но, мимо храма проходя,
Я понял, что нельзя без Бога.

Прошу от вас святых молитв,
Душе моей так одиноко,
Она недужит, и болит,
И задыхается без Бога.

Ветхий человек

В толпе несейтой и мятежной,
Что жаждет крови, я стоял,
Я рвал в клочки твои одежды,
А ты лишь плакал и молчал.

Я над твоим концом глумился,
Обожествляя суету,
А ты на небо возносился,
Чтоб отвести от нас беду.

Я прятал крест твой освященный,
Поглубже в землю зарывал,
А ты прощал меня смиренно,
Убийц из ада вынимал.

Я проклинал чужое счастье,
Проклятья к небу возносил,
А ты спасал своим Причастьем,
Меня покаяться просил.

Ты ждешь меня, ведь я желанный,
Чтоб в Книгу Жизни записать.
Зовешь туда, где много званных,
Не распинать, а воскресать.

Твой крест – любить на удивленье.
Мы без тебя – гнилые пни.
Нет без страданья воскресенья,
А мир опять кричит: «Распни!»

Чтобы расторгнуть с Богом узы,
Придумать новый идеал,
Сегодня предал я Иисуса,
А он любви моей искал.

Пассажир

Нас свел в пути обычный случай –
Локомотив в Москву нас мчал.
– Как звать тебя? – спросил попутчик,
А я, признаюсь, промолчал.

Но, сделав паузу, решился,
Хотя промолвил невпопад:
– Зовите просто пассажиром,
Как на вокзале говорят.

– А я представлюсь вам прохожим, –
Заметил он весьма легко.
– Скажу вам честно, вы похожи
Лицом на брата моего.

В его лице сияло солнце.
Улыбка встретилась с моей.
Что мне ответить незнакомцу?
– Вас звать случайно не Андрей?

Опять молчу, слова смешались.
Как тесен мир, о, чудеса!
– Вы правы, как вы догадались?
– У вас такие же глаза.

Он замолчал с тяжелым вздохом,
И я спросил: – А где ваш брат?
– Его убили под Моздоком,
А с ним еще троих солдат.

Чечня, как рана вековая,
Как выстрел в душу всей страны.
И боль, далекая, чужая,
Пришла ко мне от той войны.

Теперь молчать мне не хотелось:
– А как погиб боец Андрей?
– Он крест не снял перед злодеем.
Его распяли в тот же день.

Мы пассажиры в этой жизни.
Мой брат такой же, как и все,
Но вот на станции Отчизна
Сошел он с поезда совсем.

Лишь крест от брата мне достался,
Как кровь и память скорбных дней.
Он за таких, как ты, сражался.
Возьми себе его, Андрей.

Все остальное я не помнил.
Он просто снял с себя его
И положил в мои ладони
Святыню брата своего.

И стало шире в мире тесном,
А мой попутчик дорогой
На полустанке неизвестном
Покинул поезд сам не свой.

Ладонь сжималась, сердце билось.
Я плакал, но не по себе.
Вот только имени не знал я
У пассажира по купе.

Не все по-мудрому сложилось
В том забывшемся году.
Как звать? Зовите пассажиром.
Еще немного – я сойду.

Я ехал в поезде обычном,
И сам собой вопрос возник:
– Куда вы едете, дружище? –
Спросил случайный проводник.

Мой путь один – зовется Жизнью,
И установлен он Душой.
Я ехал к станции Отчизна,
Но проводник не знал такой.

Вокзальный котенок

Вокзальный котенок, как ноша чужая,
Хозяина ищет, а может, он жив?
И взглядом бездомным опять провожает
Он всех пассажиров, он сам пассажир.

Хромает на лапу, в глазах безутешность.
Домашний комочек в вокзальном углу.
А в грустных глазах улыбнулась надежда,
Когда он прижался к чужому теплу.

Ему предложили дешевой колбаски,
Кусочек батона, ведь он – сирота,
А он так искал человеческой ласки
Средь тех, кто возьмет и пригреет кота.

А дни все бегут, уезжает удача.
Все пристальней взгляд, и душе все больней.
О чем ты мурлычешь, изгнанник кошачий,
Когда провожаешь в автобус людей?

И вот он уснул у вокзального дома
Под лавкой, где крошки остались лежать.
Кошачье ведь счастье ему не знакомо,
Но завтра он будет хозяина ждать.

Копейка

Монета решкою лежала,
В траву упав из кошелька,
А люди мимо пробежали.
Цена ее невелика.

Покрылась ржавчиной копейка.
Кому теперь она нужна?
Ее поднял шалун Андрейка
И положил себе в карман.

А Петьку-друга смех съедает –
Взглянул на поднятый им грош:
«Тебе что, денег не хватает?
Копейку поднял, словно бомж.

Сейчас на рубль и хлеб не купишь.
Вот если б бакс застрял в земле,
В нем сила денег, он – могучий,
А ты копейку пожалел».

В ответ Андрейка тихо молвил:
«Мне до копейки дела нет,
Но вот на ней святой Георгий.
Смотри, икона на орле!»

Андрейка вытащил монету,
Чтоб Петька реверс рассмотрел.
Он, видно, верил в силу света:
«Гляди, святой-то стал светлей».

И Петька тихо улыбнулся.
Блестела вечность на руке.
Домой с победой он вернулся,
С Победоносцем в кошельке.

Я ничего с собою не возьму

Мы все живем у времени в плену,
Но только вечность нашей жизнью правит.
Я ничего с собою не возьму,
И потому я должен все оставить.

Как оставляет нежная весна
Свой поцелуй торжественно рассвету,
Она разбудит землю ото сна,
Передавая лету эстафету.

Как оставляют летние деньки
Свои лучи на травах и на лицах,
И будет снова радость впереди,
Но этот миг уже не повторится.

Как оставляет осень октябрю
Срывать листву с раскидистых деревьев,
Чтобы доверить новую зарю
Снегам зимы над русскою деревней.

Как оставляет русская зима
Свои снега на будущей отаве,
Чтобы душа растаять не смогла,
Она земной простор должна оставить.

Как оставляют люди наяву
Все то, что я когда-то потеряю.
Я ничего с собою не возьму,
И потому я мир вам оставляю.

Молитва за учеников

Господи, Ты – всевидец,
Знаешь Ты все пути.
В школу небесной жизни
Наших детей впусти.

Ради их душ растущих
И по любви святой
Садом им стань цветущим,
Двери к Себе открой.

Будь им небесным кличем,
Зовом Твоих святых,
Знаки расставь, как притчи,
Чтобы понять, где Ты.

Дабы в страну далече
Вдруг не ушли они,
Дай им свой компас вечный –
Вектор Твоей любви.

Истины светлый факел
Ты передай юнцам,
Чтоб пробудился ангел,
Спящий в людских сердцах.

ГЛАВА V

На Головецкой ЗЕМЛЕ

Соловки

О, Соловки, я шел до вас непросто:
Через всю жизнь, дороги, времена.
Как будто Бог посеял этот остров
Камнями веры, словно семена.

И вот я здесь, беспутный, словно щепка,
Прибитый морем к берегам твоим,
Но ты поднял меня и обнял крепко,
Как остров неба силою любви.

На Белом море храмовая россыпь,
Как ожерелье неба из камней.
Монах Савватий выбрал этот остров,
Поставив крест апостольских путей.

Чтоб выйти нам на путь от бездорожья,
Небесный компас нужен на руках.
Здесь каждый камень, как икона Божья,
Хранит в себе и вечность, и века.

И вот корабль спасения построен,
Кресты на мачтах и колокола,
И плачут камни жертвенною кровью
Подобно тем, кто мучеником стал.

И плачу я по-детски, как ребенок,
У слез моих иные ручейки.
А на камнях роса, как на иконах, –
Так плачут дождь и остров Соловки.

У озера

Поет вода из озера Святого,
Ее молитвы в тишине слышны.
И раздается мне живое слово:
«Нет ничего дороже тишины».

Дайте мне помолиться

Как мечтал я душой поклониться
Беломорской земле, как волна.
Дайте мне хоть чуть-чуть помолиться,
Как учил соловецкий монах.

И тогда я взметнусь, словно птица,
Одолев неземные года.
Дайте мне хоть чуть-чуть помолиться,
Как умеет молиться вода.

Может, вечность ко мне обратится,
Отодвинет вдруг шторку свою.
Дайте мне глубоко помолиться,
Как дожди в соловецком краю.

Помогите, кресты на курганах,
Отыскать свой затерянный след.
Дайте мне помолиться, как камень,
Что стоит в соловецком кремле.

Может, я, мечтой безутешный,
Оторву от себя суету.
Дайте мне помолиться неспешно
На Голгофо-распятском скиту.

Белый крест в облаках небосвода
Я приму как знаменье себе.
Дайте мне помолиться сквозь годы
В Соловках на Секирной горе.

Все явилось, все сбылось сегодня.
Соловки – это милость твоя.
Все желанья мои Ты исполнил.
Знать, молитва дошла до тебя.

Секирка

Соловьи не поют на заре
В этом месте советской убойни.
Черный крест на Секирной горе –
Это черная совесть эпохи.

Будет память по душам лупить,
Придавая нам новые силы.
Обо всем я хочу расспросить
Безымянные эти могилы.

И они, как один, говорят
Нам о том, что прожить не дано нам.
Ты прости нас, Святая земля,
Мы распяли тебя вместе с Богом.

Остров Анзер

На Анзере вечность вздымается ввысь
К Голгофо-распятской долине.
Здесь свой, соловецкий Иерусалим
И дух самой скорбной святыни.

Пролитая кровь плодоносит везде,
Ведь Бога распять невозможно.
Здесь скит покаянья – Голгофский удел,
Завещанный Матерью Божьей.

Такая есть сила у наших молитв –
Взывать к небесам о прощенье.
Кресты вырастают на грешной земле
Поклонными для очищенья.

Одни, словно скалы, сегодня стоят
На каменной прочной основе,
Другие – ветвями на небо глядят,
Подобно анзерской березе.

Березовый крест у подножья горы,
Политый невинною кровью,
И мощные корни его таковы,
Что он достает до Голгофы.

Кем

Соловки – это горькая правда
О когда-то распятой любви.
Кем приехал я в кемскую заводь?
Кем уеду домой из Кеми?

Соловецкие озера

Я по неведомым просторам
Давно душою тосковал,
И соловецкие озера
Мне Бог недавно показал.

Связав их вместе, словно четки,
В одну канальную семью,
Трудами иноков почетных
Пришла вода к монастырю.

Озерный сад в лесах карельских
Над Соловками пять веков.
И в этом водном ожерелье
Смотреть на вечность так легко.

Идем в поход за красотой
По водной глади без конца,
Чтобы наполнить тишиною
Свои мятежные сердца,

Читать озерные страницы
Через природу Соловков.
Над нами небо без границы
И шепот белых облаков.

Вот чайки в воду приземлились,
Вот утки манят за собой.
Природа кажется Псалтирью,
И на душе царит покой.

А в белой лодке так просторно,
И весла молвят в такт волне.
О, Соловецкие озера,
Все это было как во сне.

Лабиринты на Заяцком острове

А жизнь идет, сплетая в вечность дни,
И что ни миг, то новая загадка.
Что рассказал саамский лабиринт
Мне о себе на острове Заяцком?

Круги камней на метры и века,
Узор путей отечества земного.
И все почти уводят к тупикам,
И лишь один для выхода живого.

Где я сейчас, в каком стою кругу
И у какого жизненного камня?
Идти вперед я дальше не могу,
Гляжу на небо, там мои исканья.

И взгляд невольно тянется к кресту
На луковицу маленькой церквушки.
И вот молюсь в Андреевском скиту.
Не лабиринт, а храм построить нужно.

А в Белом море чайки на волнах,
Которые все видят, что сокрыто.
Душа не камень и понять должна,
Что ей дано летать над лабиринтом.

*Душа как домик у
улитки*

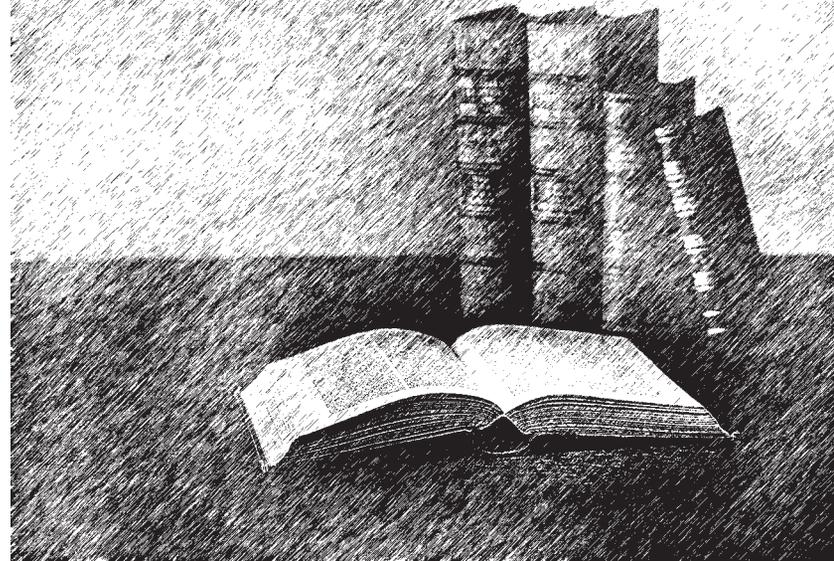
Душа как домик у улитки,
Который в теле мы несем,
А вот какие в нем пожитки,
То есть сокровище твое.

И пусть мы ползаем невечно,
Проходят пир и торжество.
Мы дом свой рубим бесконечно
На этом свете для того.

А жизнь идет, и будет длиться,
И оставлять тропу к судьбе.
Учитесь жизни у улитки,
Что дом свой носит на себе.

ГЛАВА VI

ДНЕВНИК ПОЕЗДКИ НА СВЯТЮЮ ЗЕМЛЮ

11 апреля 2011 года

Прибыли в Тель-Авив. Я впервые в заграничной поездке. Если я и мечтал о поездке за рубеж, то первой страной хотел увидеть Израиль. Это место продолжения Святой Руси. Здесь я не почувствовал себя иностранцем. Делегация Нижегородской области составила 130 человек во главе с архиепископом Георгием, и поэтому было очень уютно рядом с теми, для кого Святая Земля – это сокровенное желание и главная ценность.

Владыка Георгий каждого из нас благословил на это паломничество уже в самолете. Если есть драгоценный камень на земле, то там я его встретил. Я почувствовал такую легкость от соприкосновения со Святой Землей, что все во мне играло, душа радовалась каждому мгновению, ибо в этот момент я чувствовал себя на родине своей души. Мне это напомнило остров Святой Руси.

Первым человеком, кто встретился мне в Израиле, была моя ученица, которая сейчас учится здесь в местном колледже. Она встретила меня в аэропорту «Бен-Гурион». Первое ее впечатление больше всего осталось в моей памяти. Она сказала мне, что от наших бабушек таким теплом повеяло, что ей сразу захотелось в Россию. Экскурсовод принял ее за нашу паломницу, но после того, как он выяснил все обстоятельства, решил познакомиться со мной поближе.

Когда он узнал, что я «Учитель года Нижегородской области» и к тому же еще историк, то обрадовался и предложил вместе рассказывать нашим паломникам о святых местах Израиля. Чуть позже мне такая возможность представилась, когда мы ехали из Назарета в Иерусалим. Честь-то

какая – проповедовать людям о Христе на Святой Земле, рядом, в тех местах, где когда-то мой небесный покровитель Андрей Первозванный первым пошел за Иисусом Христом! И вот я здесь рассказываю паломникам о своем понимании веры, не вдалеке от Вифсаиды – родины апостола Андрея.

Вспомнились строчки моего любимого стихотворения:

Для доброго имени созданы люди,
Небесные зрители жизни моей,
Андрей Первозванный, Андрей Боголюбский.
А я – многозванный и грешный Андрей.

Поселили нас в гостинице *King Solomon* в Иерусалиме, как выяснилось чуть позже, в 15 минутах от храма Воскресения Христова, где располагается Гроб Господень – центр христианской истории человечества, в 15 минутах от места, где время с вечностью соединились в сыне Божием по имени Иисус Христос! Первая молитва на Святой Земле происходила в храме Русской духовной миссии, где нас любезно встретили наши братья и сестры по православной вере. Достал записки наших прихожан, которыми меня снабдили земляки, во время молебна под руководством архиепископа Георгия. Вот и прозвучали наши имена на Святой Земле. Звучат наши любимые слова – пароль к сердцу каждого верующего человека: «Христос воскрес!», хотя до Пасхи еще почти две недели. А на душе уже пасхальная радость. Святая Земля. Она сама как Пасха.

12 апреля

Мы на горе Фавор. На улице немного ветрено. Облака. Возникает волнение о том, как мы попадем на гору, где преобразился Христос перед своими учениками.

Доезжаем до греческого православного храма на этой горе. Оказалось, что это не самая высокая точка Фавора. Выше располагался католический храм, в который мы не попали, где, по преданию, находился дом Иосифа.

В православной церкви нашему взору явилась икона «Неувядаемый цвет», которая, как рассказывали, приплыла в бутылке во время шторма, свернутая в свиток. Наблюдаю за тем, как паломники прикрепляют к иконе медальоны, на которых изображены части тела, о выздоровлении которых просишь Богородицу. Прошу одного: спасения для себя, для наших прихожан, родственников, учеников, односельчан – для всех, кому дорого именно это слово – «Спасение». Вижу часть камня, на котором стоял и преобразился Христос. Хочется молиться: «Преобрази меня, Господи, чтобы я был носителем твоей воли!»

Через несколько дней, когда мы будем находиться в Вознесенском монастыре, наш православный гид по имени Александр расскажет мне историю своего пребывания на Фаворе именно 19 августа 2003 года – в день, когда церковь празднует это событие. Фавор в этот день покрывает облако, которое является знаком Божиим и подкреплением для молящихся здесь. Именно в этот день облако было таким густым, что молящиеся не видели своих ног, стояли в облаке. А вот до католического храма облако 2003 года так и не дошло.

Нам тоже очень повезло. 12 апреля, в День космонавтики по российскому календарю, на Фаворе было много облаков.

А дальше был город Назарет. Стою на месте, где Архангел Гавриил возвестил Божией Матери весть о том, что она родит Богомладенца. Идем по Назарету и поем «Богородице Дево, радуйся». Кругом торговля, шум, гам, но наша молитва – самая заметная из всего, что мы увидели в Назарете. Вот место, где жил Иисус Христос. Молюсь, чтобы и в моем доме всегда пребывали Божия Матерь и Сын Божий. Обедали у Галилейского моря, в городе Тивериада, там, где апостолы ловили рыбу, где Спаситель говорил притчами со своими учениками. В ресторане мы едим рыбу апостола Петра.

Едем в Капернаум, в греческий монастырь, где нас встречают павлины и Церковь Двенадцати Апостолов. Чуть позже попадаем в место, где Христос накормил пять тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами. Молюсь о пище духовной, чтобы всегда жаждать этой пищи больше, чем хлеба насущного. И вот комфортабельный автобус по хорошему дорогам, где нет ни одного «лежачего полицейского», привозит нас к реке Иордан.

Место крещения Господа нашего Иисуса Христа встретило нас многолюдьем. Кого там только не было: японцы, корейцы, эфиопы, арабы, русские и представители других народов, и все наши внешние различия покрывает эта благословенная река, самого Бога в себя вобравшая. Рыбы людей не боятся. Они стали просто ручными. Вот где подобие рая, где вся тварь смотрит друг на друга с любовью.

Иордан впадает в Мертвое море, а это значит, что грехи человеческие он на себя берет, а они

скатываются в Мертвое море. Водитель-араб продает нам рубашки для купания. Беру аж семь штук для своей родни и друзей и, естественно, ошибаюсь в валютных расчетах. Через 10 минут араб мне вернул лишние 10 долларов, которые я ему заплатил. Как же обрадовал он меня своей честностью.

Окунаюсь не просто в святую воду: вхожу в мир своей многолетней мечты христианской – почувствовать себя обнятым водами, которые обнимали самого Христа. А начиналось утро этого дня с Радуги перед горой Преображения. Дай, Господи, мне пронести эту радость через всю мою жизнь.

13 апреля

Третий день на Святой Земле начался с Гефсиманского сада, где находится храм Марии Магдалины. Здесь надо потрясенно молчать, как говорил писатель Крупин. Исповедуюсь в месте, где лежат мощи святой княгини Елизаветы. Несколько лет назад, когда в Россию привозили ее десницу, я просил ее привезти меня в Иерусалим. И вот святая княгиня исполнила мою просьбу.

Я исповедуюсь прямо около ее мощей. Отец Виктор Сафронов кладет крест и Евангелие прямо на ее мощи. Первое причастие на Святой Земле не забывается. И вот по Гефсиманскому саду я иду, видя те памятные точки, где Христос находился в последние часы перед тем, как Его взяли на казнь. В армянской церкви оказываюсь в гробе Пресвятой Богородицы. Наш хор пел слова: «Царица моя преблагая...» И вот я, недостойный и грешный, стою на месте, где почти две тысячи лет назад лежало тело «честнейшей Херувим и славнейшей без сравнения Серафим». Молюсь около чудотворной иконы

Иерусалимской и радуюсь от одной лишь мысли, что я здесь. Прошу у Божией Матери материнского заступничества.

Попадаю, как и все наши паломники, на помазание маслом, которое совершает наш владыка. Чувство радости сменяется восторгом, когда мы оказываемся на месте Вознесения Иисуса Христа. Прикладываюсь к этому месту, молось и ухожу с ощущением мягкого поцелуя на губах, как будто тебя родной человек поцеловал. Хочется всех целовать и обнимать. Вот радость-то какая. И просто чувство ликования от храма Воскресения Христова в Иерусалиме. Иду в кувуклию гроба Господня и замираю от умиления и радости. На глазах слезы. Говорят, есть слезы обжигающие и согревающие. Это были слезы согревающие. Подхожу к благодатному огню. О, чудо, он не жжет. Умываюсь и радуюсь. Это за 11 дней до Пасхи такая пасхальная радость. Архиепископ Нижегородский и Арзамасский воскликнул во время молебна: «Христос воскрес!» Мы ответили: «Воистину воскрес!» с пасхальной радостью.

В этот день я еще раз прибежал в этот удивительный храм, чтобы повторно поклониться величайшей христианской святыне. Зачитал все записки, привезенные сюда с родины. Вижу монаха Пантелеимона, который 11 лет назад приехал в Дивеево, и тогда через него я впервые передал записку на Святую Землю. Теперь Господь дал мне радость молиться за все свое село в Иерусалиме, там, где Христос воистину воскрес.

Бдительные израильтяне не позволяли нам опускать на землю наши пакеты с подарками из Иерусалима. Стоило нам сфотографироваться

у колонны, откуда сошел благодатный огонь в один из лет, когда православных не пустили в храм, тут же появились люди, которые указали нам на эти пакеты. Боятся терактов не только взрослые, но и подростки. В школе их приучили, как вести себя на улице, если выяснится, что на улице лежит бесхозный пакет. Надо отдать должное израильтянам за то, что в течение всей недели я не видел ни одного пьяного человека на улицах этой страны. Молодежь здесь далека от спиртных напитков, а это значит, что на уровне государства трезвый образ молодежи является государственной политикой.

14 апреля

Мы на приеме у иерусалимского патриарха Феофила. Вчера я держал в руках благодатный огонь, вымоленный им год назад, который не обжигает, а уже через несколько дней он войдет в кувуклию, чтобы вымолить у Бога новую пасхальную радость, которая соберет в храме тысячи желающих поучаствовать в молитвенном стоянии в церкви Воскресения.

На Голгофе я испытал потрясение от того, что здесь происходило на 33-м году жизни Иисуса Христа. Паломник подходит к месту, где стоял крест, на котором распяли Иисуса, и протягивает руку в специальное углубление. Так он прикасается к Голгофе. Это место обжигает глубиной трагедии, которая потрясла все человечество, когда Сын Божий был распят.

Ставлю свечи, молюсь по своему синодику и читаю привезенные в Израиль записки с именами. Патриарх Феофил благословил каждого из нас и подарил фотографию Гроба Господня, как свое

благословение, вместе с образом Иерусалимской иконы Божией Матери. Фотографию Гроба Господня я привез к себе на приход и подарил нашей церкви. В пасхальную ночь прихожане прикладывались к иерусалимскому подарку, который подарил нам патриарх Феофил.

Днем нас ожидал Вифлеем, где когда-то родился наш Спаситель. Вчера я прикладывался к Голгофе и к месту, где Христос воскрес, а ныне я стою на месте рождения Спасителя, целую икону Вифлеемской Божией Матери (Божия Мать улыбается – единственный образ Богородицы, где на лице видна улыбка Богородицы). Паломники находят колонну, в которой есть несколько отверстий, расположенных крестообразно. Именно из нее когда-то вылетели пчелы, чтобы поразить нечестивцев, зашедших в храм на конях. Кто-то вкладывал в эти отверстия свои пальцы.

Звучат наши молитвы, и владыка вновь благословляет своих паломников, а мы, радостные и счастливые, направляемся в Хеврон, к Мамврийскому дубу и к храму праотцев, где на месте дуба явилась Аврааму Святая Троица. Я сразу вспомнил святого Александра Свирского, которому тоже явилась Святая Троица. Дуб засох, но ростки от дуба укреплены и стоят прочно. Значит, есть еще надежда на то, что Господь потерпит нас. Рядом стоит араб и продает желуди с дуба за 10 долларов. Купи себе желудь, и вот тебе вечность. Оказывается, здесь растет необычный цветок – черный каал, который распускается именно на страстной неделе. Впечатлила молитва в храме Праотцев, который обязан своему присутствию здесь Антонину Капустину, чье имя на Святой

Земле упоминается с огромным уважением русскими паломниками, ибо восстановленные Русской миссией храмы во многом связаны с духовными стараниями этого человека.

Вечером по воле Божией вместе с братом по вере Валерием Мочаловым мы оказались в Русской миссии на соборовании. Сестры монастыря подарили нам и масло, и зерно, и воду со Святой Земли, так чтобы мы ушли из храма радостными и полными желаний вернуться сюда снова.

15 апреля

Мы в Тель-Авиве, в церкви святой Тавифы. Причащаемся святых Христовых Тайн. Посещаем гробницу этой женщины, которую когда-то воскресил апостол Петр. Храм утопает в цветах и в радости. Часовни о здравии и об упокоении стоят отдельно друг от друга. Можно не спеша помолиться за всех православных христиан и не торопясь пойти на литургию. Рядом поют попугаи и другие птицы. На обед нас везут к Средиземному морю. Успеваю искупаться и глотнуть соленой средиземноморской воды.

Едем в город Лидда, где находится гробница святого Георгия Победоносца, обильно смазанная миром. Иностранцы просто ложились на эту гробницу, чтобы увезти с собой этот ничем не выразимый благоухающий аромат. Здесь мы случайно встретились с митрополитом Назаретским, который благословил всех желающих. Подходишь к митрополиту, а он тебя троекратно целует, совершенно незнакомого, но очень родного. Вот где вера православная, не знающая границ. В подарок израильтянам наш

хор исполнил несколько песнопений, от которых весь храм пришел в восторг, особенно иностранцы. Из алтаря нам вынесли частицу мощей святого Георгия. От умиления я не удержался, чтобы не прочитать свой стих в автобусе об этом замечательном святом подвижнике веры православной.

Георгий Победоносец

Страдать за веру есть удел немногих.
Когда, казалось, наступает мрак,
Явился в Риме юноша Георгий,
Мечом молитвы поразивший страх.

Он видел истину в мучениях несносных,
Глядя на нас из смутных древних лет,
Став навсегда святым Победоносцем
Для всех, кто ищет христианский свет.

Своим ударом по змеиной сути
Он защищал любовь и красоту.
Теперь он наш святой, небесный спутник,
Истинноводец, ратник ко Христу.

Добропитатель – символ русской силы,
Он воевал духовно, не числом
И поселился на гербе России,
Как знак Победы мужества над злом.

И скачет к Богу этот воин света,
Чтоб донести до нас благую весть.
Его икона даже на монетах
Напоминает о казне небес.

В его судьбу две Родины вместились,
Сердца святым Отечеством полны.
Он, как хранитель всей души России,
Дает нам Жуковых, когда они нужны.

Страдать за Правду есть удел немногих,
Смотри на небо – это так легко.
Есть русский дух и есть святой Георгий,
А с ним Победа над любым врагом!

Далее нам предстояло пройти крестным путем страданий Иисуса Христа. Взяв в руки каждый свой крест, мы отправились по дороге, по которой когда-то ходил Спаситель, чтобы принять на себя все грехи человечества. Мне очень захотелось попасть в кувуклию, и я вновь пошел в храм Воскресения Христова. Выстояв очередь, я попадаю к гробу Господню и нахожусь там полторы минуты. Радостный и наполненный, я возвращаюсь в гостиницу и записываю все свои впечатления по горячим следам, боясь упустить в дневнике что-то глубоко важное для моей духовной жизни. Как потом выяснилось, больше мы в кувуклию не попали, зато причастились у Гроба Господня. Огромное потрясение я испытал, вновь поднявшись на Голгофу. Вспомнились стихи, написанные мной незадолго до моей поездки на Святую Землю.

Христа распяли

Крест над землей Сын Божий нес,
А мы молчали.
Глаза полны кровавых слез –
Христа распяли.

Голгофский крест, и Бог молчит,
А мы его предали,
И вот душа кровоточит –
Христа распяли.

Он на себя взял всю вину
За то, что люди пали.
Он объявил грехам войну.
Его распяли.

Он испустил последний вздох,
Страдая от печали.
Из-за Любви распят был Бог.
Любовь распяли.

16 апреля

Мы в Горненском женском монастыре. Гид показывает нам плоды дерева, которые Евангелие называет свиными рожками. Похожи на наши стручки. От таких богатств к свиному корыту! Вот какие мы, блудные сыны. Поев этих плодов, блудный сын почувствовал, как он пал.

Причащаемся в храме Святых Христовых Тайн, а дальше владыка возглавляет наше шествие к колодезю, где встретила Дева Мария с сестрой Елизаветой у источника. Владыка полил каждого из нас святой водой, а настоятельница Дивеевского монастыря матушка Сергия помогала ему. Вечером отправляемся в крестный ход в честь Лазаревой субботы. А в России сейчас празднуют Вербное воскресенье, подумал я, и освящают вербы. Только подумал – и увидел в пальмовом крестном ходу женщину с вербой. Оказывается, она русская и ей привезли вербу из России специально для этого крестного хода.

Молимся с Валерием Мочаловым, и на нашу молитву приходит послушница Горненского монастыря, берет наши имена с обещанием помолиться за нас у Гроба Господня на Пасху. Вот радость так радость! Мы будем уже в России, а молитва за нас на Святой Земле останется. Чудны дела Твои, Господи! Владыка благословляет нас идти на ночную службу у Гроба Господня, но при этом надо пожертвовать ужином для тех, кто хочет причаститься.

17 апреля

Служба у Гроба Господня – это верх земного счастья, которое мне довелось испытать на Святой Земле. Мы служили вместе с греками и причастились уже под утро. Всю ночь у Гроба Господня служили то католики, то другие конфессии, но когда русские запели «Отче наш», храм взорвался от мощи нашей русской молитвы. Днем мы поехали в Самарию, где сохранились храм и источник самарянки, где она напоила Иисуса Христа. Там нам дали приложиться к сапогу Спиридона Тримифунтского, мощам Иоанна Крестителя и чудотворной иконе Христа с самарянкой. Верхом и глубиной нашего паломничества стала пустыня святого Саввы Освященного, чьи мощи уже полторы тысячи лет пребывают в нетлении.

18 апреля

Закончилось наше паломничество Вознесенским монастырем в Иерусалиме, где сохранилось место стояния Божией Матери, когда Ее Сын возносился на небо. Мы вновь причастились Святых Христовых тайн, а я получил мощное

духовное подкрепление для своей души, когда побеседовал с нашим православным гидом на колокольне Вознесенского монастыря.

«Иерусалим – это зеркало, в которое надо посмотреться, чтобы увидеть собственное сердце, чтобы открыть для себя Евангелие», – сказал мне он, и мне очень захотелось перечитать Евангелие новыми глазами, которые Евангелие увидели в этой поездке взглядом паломника. Дай Бог вернуться сюда еще. На Святом месте особенно понимаешь, что спасаешься не соприкосновением со святynieй, а собственным трудом, и что если нет святости и благоговения внутри, то и святыня не освещает жесткого сердца, а лишь касается его, зажигая огонек, а раздуть его надо самому. В душе должен течь Иордан свой, со своими берегами и изумрудными водами. В душе должен быть свой Фавор, преображающий тебя тогда, когда тебе необходимо. Чтобы свет, который видел преподобный Серафим Саровский, изнутри чувствовали те, кто с нами соприкасается. На Святой земле есть ощущение, что ты находишься внутри Евангелия, внутри храма.

Вечером мы уже были в Домодедове. После 35 градусов жары в Израиле московские плюсы шесть нам показались суровыми. Господи, помоги сохранить иерусалимскую радость, чтобы передавать ее людям. Прочел мысли писателя Крупина о Святой Земле и понял, что мыслим одинаково.

Крупин о Святой земле

Все дни пребывания в Святой Земле я ни разу не почувствовал себя за границей. Святая Земля – русская земля. Для православных посещение

евангельских мест – это путешествие по Святой Руси.

Может быть, промыслительно Святая Земля так далеко от России и так труднодоступна. Нельзя привыкать к святине. И та неделя, те десять дней паломничества, прожитые в святых местах, потом превращаются в долгое счастливое время воспоминаний.

В Святой Земле ощущаешь, что никаких двух тысячелетий со дня Боговоплощения не прошло. Все было и происходит сейчас, при нас. Сегодня засияла Вифлеемская звезда, на свет которой шли простые пастухи и ученые волхвы, сегодня Симеон Богоприимец и пророчица Анна встретили Его у врат храма, сегодня Он погружался в струи иорданские и «Дух Святой в виде голубине» сходил на Него. Сегодня и всегда Он идет по дорогам Палестины, учит, исцеляет, насыщает хлебом земным и небесным, утишает бурю, сегодня восходит из-за нас, из-за наших грехов на Крест, «спасения нашего ради», сегодня «воскресе из мертвых и смертью смертью поправ», сегодня, оставив нам упование на Свое возвращение, возносится к Отцу Небесному.

На Святой Земле всего за один срок пребывания паломники встречают все Дванадцатые праздники: от Рождества Христова до Его Вознесения и Сошествия на апостолов Духа Святаго, все Богородичные праздники, от Рождества Пречистой Девы до ее Успения. И все время с паломниками Воскресение Христово, Пасха. Господня Пасха сияет все дни. Ибо какие бы маршруты ни были по расписанию, но чаще всего они проходят в Иерусалиме и всегда приводят ко Гробу Господню. Здесь истинная благодать, здесь не иссякает благословенный

свет, сошествие его с небес видел я, грешный, в последнюю субботу Великого православного поста. Как отблагодарить Господа за такую несказанную милость?

«Какая чудотворная икона всех чудотворней?» – спрашивают старца. «А вот тот бумажный образок, который ты носишь с собой».

Содержание

Глава I. На Святой Руси	3
Притча о звонаре	4
С чего начинается вечность	6
Слова в словах	7
Реки	8
Иконы неба	9
На Каме	10
Духовный путь напомнил мне дорогу... ..	11
Рождество Христово	12
Белым-бело	13
Четки	13
По России.....	13
Средовек.....	14
Храмы и музеи	15
Исповедь	15
Ручеенок.....	16
Глава II. На Святой земле	17
Иерусалим – небесное созвездье	18
Гора блаженств	19
Вифлеемская улыбка.....	19
Град Назарет	20
Иордан.....	21
У Галилейского моря	22
Фавор.....	23
Гефсимания.....	24
Святая Елизавета.....	25
У гроба Богородицы.....	26
Голгофа.....	27
Крестный ход к Голгофе.....	28

Иерусалимский огонь	29
Лазарева суббота	30
В Яффе	31
Мамврийский дуб	32
Средиземное море	33
Стопа Вознесения	34
Голова Иоанна Предтечи	35
Колодец Самарянки.....	36
В монастыре святого Саввы.....	37
Глава III. На родной земле	39
Дивеевская Канавка	40
Пояс Пресвятой Богородицы	41
Прийти к святыне.....	42
Саров	43
Александр Свирский.....	44
У мощей Александра Свирского	45
Четыре мученика.....	46
Дом Зои в Самаре.....	47
Молога.....	48
Мологские берега	49
Боль Мологи	50
Два Валаама	51
Храму Покрова на Нерли	52
Приморский край	52
Гимн Саваслейке	53
Саваслейка	54
Больная деревня	54
Кулебаки.....	55
Гремячевский родник.....	56
Люблю Москву	57
Храму Николаю Второму в Знаменке	58
Кадет.....	60

Казачий дух России по душе	61
Памяти «Булгарии»	62
Последний звонок	63
Антоний Дымский	64
Глава IV. У святого имени	65
Надпись	66
Андрей Владимирович	66
Андрей многозванный	67
От отчества и имени	70
Гимн семье	71
Моя семья	72
Небесная анкета	73
Старик и внук	73
Покров	74
Язык вещей	76
Ключ	78
Ностальгия	79
Собственное сердце	80
Спас Нерукотворный	81
Неродившемуся другу	82
Оклад	83
Березка над водой	84
Между мигом и вечностью	84
О любви	85
Смысл любви	86
Без Бога	87
Ветхий человек	88
Пассажир	89
Вокзальный котенок	91
Копейка	92
Я ничего с собою не возьму	93
Молитва за учеников	94

Глава V. На Соловецкой земле	95
Соловки	96
У озера	97
Дайте мне помолиться	97
Секирка	98
Остров Анзер	99
Кемь	99
Соловецкие озера	100
Лабиринты на Заяцком острове	101
Душа как домик у улитки	102
Глава VI. Дневник поездки на Святую Землю	103
Георгий Победоносец	113
Христа распяли	115

Литературно-художественное издание

Андрей Владимирович

Елисов

НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Дизайн, верстка Б.В. Прудентов

Корректоры: Г.Н. Орехова, Л.А. Зелексон

ИЗДАНИЕ АВТОРА

Сдано в набор 18.07.2012 г.

Подписано к печати 07.09.2012 г.

Бумага мелованная. Печать офсетная.

Формат 70x90 ¹/₃₂. Гарнитура Таймс

Усл. печ. л. 4,53. Уч. изд. л. 4,1

Тираж 950 экз.

Отпечатано в типографии «Растр-НН»

603024, Нижний Новгород, ул. Белинского, 61.